



Катерина Ежевика

4 СВАДЬБЫ ВСЛЕПУЮ,
ИЛИ
КАК СНЯТЬ ПРОКЛЯТИЕ

Катерина Ежевика

4 свадьбы вслепую, или

Как снять проклятье

<https://litres.ru/74207927>

Аннотация

Жить две недели с завязанными глазами? Стать любовницей четырех незнакомцев, которых зовут "Псами"? Их так называют неспроста и глаза мне завязывают не просто так. Но мне есть ради чего соблюдать условия контракта. И вообще, все не так плохо, как мне пророчили. Если не считать, что нас преследуют наемники, пытаясь убить, а еще эти необычные обряды, которые проводят со мной мои временные мужчины. И все ради чего? Это я узнаю только по окончании контракта, когда смогу снять надоевшую повязку с глаз и, наконец, рассмотреть своих... мужей. Это разноплановая история с ХЭ. Будет вкусно и горячо. Чувство юмора, страсть, приключения и романтика в одной книге. Внимание! Много очень откровенной эротики! Я предупредила)) Приятного чтения и любви Вам, уважаемые читатели!

Содержание

Часть 1. Глава 1. В логове Гиена	4
Глава 2. Осмотр	14
Глава 3. Знакомство	21
Глава 4. Контракт	39
Глава 5. Перелет	55
Глава 6. Остров	69
Глава 7. Приручение	76
Глава 8. Неприличные эксперименты	90
Глава 9. Свобода и нападение	98
Глава 10. Грот	110
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Часть 1. Глава 1. В логове Гиена

Я стояла в свете прожекторов, которые ослепляли, без одежды, как и без надежды на что-то хорошее. Лицо горело от стыда, который не удавалось победить. Нас, девочек, которые уже не девочки, восемнадцать штук (да, нас так и считали — штуками), выставили первыми. Еще три, совсем молоденькие малышки, пойдут на “десерт”, так как оказались на свою беду нетронутыми. На них короткие белые прозрачные пеньюары и крохотные трусики, а на нас и того меньше. На сосках алые блестящие звезды, и они совсем не для того, чтобы хоть как-то прикрыть нас и успокоить скромность, нет, они для привлечения внимания потенциальных контрактников. А снизу на нас странные трусики из пластиковых палочек и натянутой сеточки в пайетках, которая весьма условно прикрывает лишь лобок и губки, а сзади палочки соединяются, прячутся меж ягодиц, заканчиваясь под копчиком.

Мне до безумия хотелось прикрыться, но нельзя.

Видеть, кто на нас пялится, мы не могли. Это и к лучшему, за ярким светом вокруг каждой из девушек, словно тьма опустилась и липким холодком прибегала меж лопаток. Страх, дикое смущение, отвращение, безысходность владели мной.

Я всегда была довольно спокойной и выдержанной. Мама в детстве считала меня не любопытной, но это неправда, просто мне хватало терпения ждать нужное время и проявить

свое любопытство позже. Ведь все равно отдадут подарок и, мне всегда казалось, что развернуть заветный сверток чуть позже будет слаще. В отличие от меня младший братец, всего на два года, всегда старался первым получить свои презенты и скорее их разворошить. Любопытство его было несдержанным, ярким, необузданным. Ему все нужно было здесь и сейчас. Любую идею или игру он старался реализовать сразу.

Каким невероятным образом я попала на подпольный аукцион контрактниц, я и сама не понимала до конца. Еще утром я была относительно свободна. Хоть и с бесконечными долгами. А ещё братец постарался, попал долговую тюрьму. Вот ради него я и пришла к главному криминальному авторитету в городе. И не подозревала, что к вечеру окажусь здесь.

Им не хватало светло-русой девушки. Это я слышала из разговоров. Вообще, бандиты не считали своим долгом скрывать информацию, если рядом безмолвная девушка. На нас просто не обращали внимания. Я не блондинка, но и темненькой не назовешь. На солнце волосы блестят легкой рыжиной. Глаза тоже непонятные: иногда кажутся зелеными, реже синими. У нас это редкость, большинство жгучие брюнетки, яркие и страстные с ореховыми или чёрными очами. Хотя историки в школах рассказывают сказки о том, что раньше здесь, у подножия наших холмов, жили высокие, светловолосые люди-маги, часто с сильным даром и с ярко-голубыми или зелеными глазами. Смешно. Никогда не

могла понять, как высокие утонченные блондины выродились в низеньких с широкой костью, смуглых и черноволосых, а также темноглазых людей. Мне повезло, я в маму пошла тонкой костью и светлыми волосами. Но не суть.

Насколько я знаю, на этих аукционах покупают секс рабынь и ведь никому нет дела до бедных девушек, наши правители наверняка даже не знают о существовании таких мест.

Хотя, скорее всего, просто закрывают глаза подобные развлечения подданных. А может, и сами непонятно как развлекаются. Что-то мысли злые в голову лезут. Мама всегда говорила, что я девочка-одуванчик, добрая и наивная. Сейчас же действительно одолевает злость, обида на весь мир и прочие неприятные эмоции. А про правителей наших никто толком ничего не знает. Кроме того, что правит нами Мартиниан, чаще его зовут просто “Правитель”, без имени. Он всегда носит маску и обладает силой Правителей. Что за сила тоже непонятно, но говорят, она велика. Он отец четырех уже взрослых сыновей, но их никто никогда не видел. И жены у правителя никогда не было.

Несколько лет назад хотели устроить смотр невест для его сыновей, но потом неожиданно идею быстро замяли. Невест приехавших в столицу со всех уголков страны, быстренько отправили восвояси.

Наша с братом учительница, рассказывая о нынешнем Правителе, обмолвилась только, что вроде проклятье на нем

лежит, поэтому он в маске всегда. Еще ходят слухи, что когда его пытались убить, то магией сильно обожгли лицо и частично тело так, что смотреть страшно. Вот и бережет Мартиниан своих подданных, пряча уродства. А еще окружение свое заставляет во дворце только в масках ходить.

Чёрт, кажется, я кому-то приглянулась, назвали мой номер и противный, воняющий потом, толстый администратор идёт в моём направлении. Заметила у него в руках чёрную полоску ткани. Колени мои подгибались, новая волна страха овладела мной, руки мелко дрожали.

Как же побороть этот чертов страх. Постаралась сосредоточиться на глубоком дыхании, но в этот момент ужасный администратор с липкими руками дошёл до меня. Он встал сзади, чтобы завязать глаза, при этом шептал мне на ухо гадости.

— О, малышка, тебя нынче отымеют во все дыры. Ты, красавица, приглянулась четырем псам, уж они тебя порвут, — голос подонка был бесконечно доволен, словно он будет непосредственным участником разврата или, на худой конец, со свечкой постоит.

Пока этот, этот очень плохой человек противно шепелявил мне в ухо, вырывая волосы, при завязывании узла на затылке, сухой и повелительный мужской голос произнес.

— Свободен. Дальше я сам.

Тот что-то ещё лебезил, но я не слышала, апатия накрыла меня мягкой волной. Будь что будет, возможно, сегодня я

покину этот жестокий мир, но, скорее всего, это к лучшему. Там меня мама и папа ждут, уже пять лет ждут.

Моей ледяной руки коснулась теплая, сухая и немного шершавая ладонь.

— Идём, — он провёл рукой от плеча до предплечья, крепко перехватив за ладонь, повел меня туда, где скоро все кончится.

Несколькими часами ранее

Четверо молодых мужчин с мордами собак вместо лиц сидели за небольшим, пустым столом с хмурыми, если можно так выразиться, лицами.

— Через две недели проклятье срастется с нами и мы, как отец, проживем “Псами” всю оставшуюся жизнь, — эта кличка не покидала парней с тех пор, как проклятье настигло каждого в подростковом возрасте, весьма неожиданно, хоть и ожидаемо.

Пусть и скрывали сыновей Правителя, но в некоторых кругах их знали. Однако не как будущих правителей, а как криминальных авторитетов или тех, кто стоит за ними. Кто-то же должен контролировать и эту сторону жизни страны, так почему бы и не самим Правителям. Главное, чтобы сами криминальные деятели не знали, что сидят под плотным колпаком. И что на них давно собрано и постоянно пополняется досье, и что стоит только переступить черту... Все только на пользу государству.

Так что в этих кругах их боялись и почитали особенно.

Кличка “Псы” прилипла именно в криминальном мире, хотя везде молодые мужчины показывались в масках. Здесь никто не знал, что общаются с сынами правителя и что под маской действительно видна морда пса. Их узнавали по той ауре, что мужчины распространяли вокруг себя, когда ходят без амулета, скрывающего силу...

В случае когда новичок, который должен был передать информацию Псу, сомневался и спрашивал:

— Ежели связной будет в маске, как же я узнаю, что это именно Пес, а не кто-то, вырядившийся под него?

Бывалый всегда с усмешкой отвечал:

— Не переживай, Малыш*, — ага, двухметровый шкаф, а не малыш, — этих Псов ни с кем не спутаешь, сразу поймешь.

Сноска.

*Малыш — в криминальных кругах: тот, кто не владеет всей информацией, не вырос как авторитет в своей отрасли или задает глупые вопросы.

И действительно, при встрече с “Псами”, сомнения всегда пропадали напрочь, откуда ни возмись появлялись почтение и частенько глубинный, неосознанный страх.

Такова их сила, сила правителей. Они повелевали и никто (за редким исключением) не мог сопротивляться. Однако этим своим даром мужчины не пользовались, если только

в исключительных случаях. Но аура она такая, не скроешь.

Была и вторая сторона их жизни. Где мужчины в масках занимали главные должности во всех областях жизни общества. Таковы условия контракта при приеме на работу. Все ради безопасности первых лиц государства. В окружении Правителя таких людей в масках была дюжина, сам Правитель был тринадцатым, ну или первым. Телохранители тоже носили маски. Никто толком не знал, как выглядит окружение Правителя, и кто на самом деле работает с ним во дворце. Ведь перемещались эти люди во дворец только порталами, что большая редкость в нынешнее время. Раньше магия была разная и была доступна многим, но постепенно иссякла.

Никто не знает, куда ушла магическая энергия. Ученые могут только предполагать, из-за чего это произошло.

Одни считают, что после магической войны Богиня обожлилась, и ее мужья лишили людей магии. Но почему тогда только короли и правители ее имеют, ведь это они начинают или иницируют войны?

Другие говорят, что люди стали магию во зло использовать, и Богам это тоже не понравилось. Есть варианты, что меняется мир, и магическая энергия постепенно иссякла. Боги решили, что правителям магия нужнее, чем простому люду, и подарили оставшиеся искры императорским родам. Существуют еще не менее десятка предположений, однако они, по здравому рассуждению, еще менее жизнеспособны,

но каждая теория несет в себе хоть зернышко истины.

Теории теориями, только немногие сохранили магические способности. И большая часть этих способностей доступна правителям, и, возможно, поэтому им присягнули нужные люди. Предки этих людей когда-то были великими магами, а сейчас сохранились только осколки бывшего величия.

Но, вернемся к разговору мужчин.

— Какая девушка сможет полюбить нас таких и увидеть истинные лица. За десяток лет ни одна не смогла, — проговорил первый.

— Значит, нужно действовать нестандартно, — выдал второй.

— Как? Даже подсказка ведуньи, что Она должна быть русоволосой, не помогает. Мы и крали их. И романтично ухаживали. И не романтично заваливали дорогущими цацками и машинами. И страстно соблазняли, правда, с нашими мордами это ни разу не получилось как надо. Но ведь под руками чувствуется обычное человеческое лицо, хоть глаза им завязывай, — пессимистично высказался третий.

— Точно, давайте завяжем глаза и соблазним. Утопим в нежности и удовольствии, — подал голос четвертый.

— Бред, утром она глянет на нас и бухнется в обморок, как уже бывало. Сбежит и будет небылицы про нас разносить, у страха глаза велики, — не поддержал третий.

— А если не давать ей смотреть на нас, пока не влюбится?

— явно загорелся идеей четвертый.

— И как ты предлагаешь это сделать? — чуть заинтересовался второй.

— Заключим контракт, — четвертый.

— Никакая нормальная женщина не согласится прожить больше одного вечера с завязанными глазами.

— Нужно убедить, — не сдавался четвертый и улыбка у него была предвкушающей, словно он уже видел любящую и освободившую их от проклятия женщину.

— Не забудь и про второе условие нашего проклятья, мы тоже должны полюбить ее, — напомнил первый. — И про третье, она должна стать нам женой до конца срока, когда проклятье будет не снять, то есть до 33.03.3003 года.

— Нереальная жесть, — уперся третий.

— Действовать нужно, хоть реально, хоть нет. Вот через две недели и будешь нить, а пока есть время — сдаваться рано, — высказался второй, прищулив звериные глаза.

Мужчины практически привыкли к мордам друг друга и мимике, которая порой смотрится странно, и порой искажает настоящие эмоции.

— Но где нам искать очередную жертву? Здесь мы всех перебрали, — это третий.

Пиликнул мнем, и старший, тот что был первым, взял трубку. Трубка что-то быстро забубнила.

Сноска:

мнем — аналог мобильного телефона.

Конец сноски.

— Посмотрим, — пауза. — Будем к смотру. И не трогать ее, — он скинул вызов, и вернул мне в карман. — У нас есть несколько часов, чтобы придумать подробный план действий. У Гиена есть светловолосая малышка для нас, говорит прехорошенькая. Оторвемся напоследок по полной. А после будем решать проблему с покушениями на нас и отца.

— Мои ребята уже вовсю над этим работают, — усмехнулся второй.

Глава 2. Осмотр

— Идём, — он провёл рукой от плеча до предплечья, крепко перехватив, повёл меня туда, где скоро все кончится.

Меня почти не трясло. Так, остаточный мандраж, мысли текли вяло и как-то отстраненно. Я ступала босыми ногами по холодному полу и слушала звуки. Четкий звук мужских ботинок о бетонный пол, басы отдаленной музыки, звук капавшей воды, мои почти неслышные шаги и тишина подземелья. Да, мы в подвале огромного особняка, того самого криминального авторитета. Слава всем Благословляющим, он меня не касался, а вот нетронутым девочкам не повезло, их облапали везде и всюду перед всеми и под глумливый ржач подпевал главного. “Товар” они не портили, но приятного, даже видеть такое, нет.

Тело, почувствовав, что ступает по ледяному полу, затряслось от холода. Неожиданно бабочкой вспорхнула вверх и осела в крепких руках. Как маленькую меня прижали к тёплому телу и понесли. Стало очень тепло и хорошо, но я не позволила себе расслабиться и насладиться мгновениями. Да и не смогла бы. Вскоре звуки подсказали, что меня занесли в комнату и поставили на ноги. Я тут же обхватила себя руками.

Жесткие пальцы аккуратно подняли мой подбородок. Интересно, что он там хотел увидеть — пол лица замотано тка-

нюю.

— Так не пойдет, крошка. Перестань трястись, твой страх чувствуется за версту. Он угнетает, — может, поэтому распорядитель назвал моих контрактников “Псами”, что нюх у них такой чуткий и нетерпимый к чужим слабостям. — Постарайся взять себя в руки, а мы, я обещаю, не сделаем тебе ничего плохого. Сейчас я хочу осмотреть тебя.

Я не могла видеть, но чувствовала, как он смотрит, от этого тело покрывалось мурашками. Провел руками по волосам, они у меня светлые, длинные и прямые, а вот у брата чёрные и немного выются.

Мужчина пропускал пряди сквозь пальцы, словно рассчитывал или что-то искал, вдруг осенило меня. Но промолчала. Он легонько промассировал мне голову, ощупав каждый участок, исключая полосу с повязкой. Это было приятно. Провёл руками по плечам, предплечьям, дошёл до кистей и поднял руки вверх.

— У тебя роскошные волосы, малышка. А теперь держи руки так, пока сам не опущу.

Мне было неловко, но я держала.

От него очень приятно пахло, порой чувствовала его дыхание на коже лица и шее, даже подмышках. Ужас. Я дернулась, когда он вдыхал воздух в том месте, и услышала хриплый смех.

— Не переживай, ты чудесно пахнешь.

Я поморщилась, но под повязкой все равно не видно.

Потом его пальцы ловко отодрали от сосков жуткие звезды, короткая вспышка боли и лёгкий дискомфорт от воспаленных сосков, им явно не понравился клей.

— Так гораздо лучше, малышка.

Это был какой-то тотальный осмотр. Он касался каждого сантиметра моей кожи, обошел кругом, тщательно проверил кожу лица, шеи, груди, живота и спины. И это не было эротично, иногда он ласково поглаживал повторным движением, но первое явственно было поисковое, и я даже почти не смущалась.

А потом он быстро провернул какой-то трюк с моим телом, и я испугаться не успела, как уже лежала животом на прохладной гладкой поверхности, вероятно, стола. Ноги широко расставлены и зафиксированы его ногами. Он сдернул подобие трусиков, они глухо брякнули где-то поодаль. Погладил мою незащитную попу, сердце у меня зашлось, было страшно до тошноты и очень стыдно. И самое пугающее что, я нисколько не возбуждена и, если он войдёт в меня сухую...

— Я только полюбуюсь, малышка, — его рука успокаивающе гладила поясницу. — Немного, аккуратно потрогаю, больно не будет, обещаю.

Его руки вновь съехали на ягодицы, также внимательно огладили, и это ощущение слегка успокоило меня. Это не секс. Это проверка, поиск чего-то на моем теле. Интуиция, не скованная страхом, подтвердила.

Чужие пальцы осторожно раздвинули ягодицы, видимо,

чтобы не пугать меня.

— Не зажимайся. Мне нужно тебя полностью проверить. Я обещал, что боли не причиню. А мы привыкли держать свои обещания любой ценой. Понимаю, что тебе может быть неприятно и неловко, — пока бархатные нотки пытались уgomонить мое сердцебиение, крепкие ладони не бездействовали. — Попробуй представить, что я тебе нравлюсь и наслаждаться происходящим. У тебя тонкое, изящное тело, — пальцы одной руки продолжали удерживать ягодицы раскрытыми, а другие, не обращая внимания на мои вздрагивания, прошлись по расселине. Раз, другой и третий, очертили круг и сделали попытку проникнуть внутрь, но там не ступала рука человека, и я невольно сжалась.

— Тебе клизму делали?

— Нет, — сдавленно ответила.

— Гинеколог осматривал?

— Нет.

Мне повезло, ему, местному гинекологу извращенцу, интереснее было осматривать перепуганных девственниц (и чего там интересного?), меня спросили, был ли у меня мужчина, а на утвердительный кивок скривились и послали в соседний кабинет ждать конца осмотра.

Наконец, незнакомец освободил от захвата попу, но ещё разок погладил и вновь провёл руками меж моих бедных, дрожащих ягодичек. Кажется, он опустил на корточки: скрип обуви и хруст суставов и его голос, звучащий снизу.

Как же неловко.

— Какая ты везде аккуратненькая, — он касался светлых курчавых волос на половых губах и лобке, прочесывал их пальцами словно гребешком.

Раздвинул губки и легко провёл пальцем по кругу, вдоль малых губок и мимо клитора. Раскрыл меня шире, там, где вход.

— Действительно, ты совсем сухая. Это даже хорошо. Теперь точно знаю, что не любишь принуждение и не склонна к извращениям. Девочка, — я напряглась, — сейчас будет немного неприятно, потерпи.

И его палец стал проникать внутрь, медленно и осторожно. Мне, действительно, было неприятно и чуть-чуть болезненно.

Блин, там чего искать-то?

— Молодец, все хорошо.

Он также медленно вынул палец, изучив все стенки, перешёл на ноги. Внимательно погладил бедра, икры и, перейдя к ступням, даже между пальчиками провёл, и это было самое приятное из всего осмотра. Мужчина поднялся и меня поднял, развернул и усадил туда, где я только что лежала.

— Сейчас закрой глаза и ни при каких обстоятельствах не открывай, иначе мне придется свернуть тебе шею. Поняла?

Я, испуганно икнув, кивнула, почему-то именно в этот момент захотелось жить. Видимо, мозг понял, что насиловать меня не станут, самые унижительные моменты уже пережи-

ла. Теперь можно и пожить.

Мужчина долго распутывал узел на затылке, видимо, старался не вырвать клоч волос, который небрежно завязал администратор аукциона. Убрал от лица старую повязку, почти сразу надел новую, она была плотнее, хорошо прилегалась к глазам, не оставляя щелей. И сзади была на резинке.

— У нас будут несколько правил, которым ты обязана беспрекословно следовать. Правило первое и самое важное: ты не должна нас видеть, вообще. Поэтому мы будем завязывать тебе глаза, всегда. Ну и ты должна знать, что насилия мы неприемлем, однако и не нежные мальчишки-колокольчики, — он усмехнулся. — Мы те еще извращенцы и сможем заставить твоё тело реагировать так, как нам надо. А сейчас ступай в душ и смой, наконец, этот страх, — он взял меня за запястье и куда-то повел, щелчок. — Здесь ванная. Когда я закрою дверь, можешь снять повязку. Перед выходом завяжешь глаза снова и постучишь, я открою. Полотенце розовое на крючке для тебя.

Голос его был спокойный, немного требовательный, для себя определила его приятным и слушать мне его нравилось.

Сделала несколько несмелых шагов вперед, сзади с легким щелчком закрылась дверь. Еще пару секунд постояла и только потом сняла повязку. Обстановочка здесь “фи”, скажу я вам. Сантехника обычная белая: тесный душ, небольшая ванна, раковина, унитаз и даже стиральную машину втиснули. А вот кафель на стенах темно-красный, бордюры

с золотым орнаментом, пол просто алый. Я невольно встала на цыпочки, так неприятно стало. Потом быстро, но основательно помылась под душем.

Выходить было страшно. И я долго стояла под дверью, не решаясь постучать и завязать глаза. Неужели они такие уроды, может, со шрамами или знаменитости не желающие огласки, или... Здесь я себя оборвала, мысли метались, показывая страшные картинки, а мне очень захотелось жить. К тому же меня обещали не пугать и не обижать. Благословляющие, их же четверо, а мне и одного много.

Выдохнула, быстро постучала, пока снова не испугалась и натянула повязку поверх мокрых волос.

Щелчок — дверь открылась, меня овеяло сквозняком.

Глава 3. Знакомство

— Три шага вперед. Умница. Не бойся, мы просто посмотрим. Мои братья тебя ещё не видели. Скинь полотенце, — голос звучал мягко, ее явственно хотели успокоить, но слышались и приказные нотки.

Мне от этого было не легче. Стук сердца перекрыл все другие звуки, и я не могла заставить себя, поднять руки и снять полотенце.

Несколько минут их ожидания и чужое нетерпение буквально пронизывало все вокруг, было почти осязаемо. Я повернула лицо в сторону, откуда почувствовала раздражение, интерес и что-то еще.

— Что ты видишь через повязку?

— Ничего, глаза у меня закрыты.

— Тогда почему повернула голову? — тон голоса с приятного поменялся на вкрадчиво опасный.

Черт, они не должны узнать о моем даре.

— Шорох, — это был странный хрип вместо голоса.

— Ладно, — мужской голос чуть смягчился. — Давай, я помогу тебе.

Все это время со мной говорил один, создавалась опасная иллюзия, что в комнате больше никого нет.

Внезапно кожу обжег след мужских горячих пальцев: от локтя, вверх по руке и поперек груди, вдоль края полотенца.

Слегка шершавые, они чертили дорожку до запрованного угла полотенца. Может быть, это игра воображения, но мне казалось, что сейчас его прикосновения были другими, ласкающими и запускающими рой колких мурашек от затылка до самых ступней.

— Что ж ты пугливая такая. Тебя насиловали?

Я не знала, можно ли назвать то, что со мной было этим словом. Но и добровольным согласием не назовешь. Как и сейчас, практически безвыходная ситуация. Принуждение, где я обязана согласиться.

В то время я была помолвлена, у меня была надежда и свет в Душе. Тогда я еще не знала, что интимные отношения — это так больно, а потом и стыдно, и неловко.

Сейчас еще страшнее. Меня могут покалечить. На кону жизнь брата, судьба нашего поместья и виноградников.

Мой жених не отличался щепетильностью и высмеял меня сразу после того, как все произошло в первый раз. И мое неумение целоваться, неловкие и несмелые ласки. Оделся и ушел, бросил одну, после того как пять минут назад, не жалея меня, порвал девственную плеву. Хорошо, что это была моя комната и я могла лежать и плакать в свое удовольствие.

Похожее действие повторилось еще дважды, несмотря на мои слезы и протесты. Но после, я решила, что интимные отношения не для меня, и не позволила ему больше прикасаться к себе. Энциклопедия мне в помощь. И тяжелая статуэтка. И даже стул, который, когда я его опрокинула, попал

аккуратно на ногу моего тогда еще жениха. Травма получилась что надо. И ноготь слез, и перелом двух пальцев, и трещины. В общем, трижды жених уходил от меня взбешенный и слегка покалеченный. А я пила ромашковый чай и нервно хихикала.

Вскоре жених перестал быть женихом, нашел невесту выгоднее. Пусть я радовалась тому факту, что не придется терпеть неприятного человека рядом всю жизнь, но ситуация была не красящей его. Парень отказался от меня сразу после оглашения завещания моего отца. В завещании говорилось, что не видеть ему моего приданного долго. Нужно было выполнять условия, которые этому самовлюбленному хлыщу были не по зубам. Почему я при знакомстве с парнем не заметила той гнили, что цвела в нем буйным цветом?

Раздумывая, медленно помотала головой.

— Хорошо, позже расскажешь. Сейчас прошу отвечать на вопросы полно и без утайки. Здесь, у Гиена, тебя трогали?

К чему он повторяется? Ведь спрашивал уже.

— Нет.

После моего ответа мужчина потянул уголок полотенца. Я всей кожей чувствовала его скольжение по телу, мечтая остановить мгновение, поймать убегающую ткань.

— Я нашел на ней пару “жучков” в волосах, один на голове, другой на лобке. Уже деактивировал, завтра надо нашим ребятам отдать, пусть разберутся. Гиен не оставляет попыток разузнать о нас и наших тайнах побольше. И этот местный

шабаш разогнать нужно, нечего девочек мучить. Возможно, он для кого-то инфу собирает. Это нужно срочно выяснить.

— Как давно у тебя был секс? — вопрос он выдохнул буквально мне в лицо.

— Пять лет назад.

— Сколько мужчин было.

— Один, — ну, почему мой голос так тих и жалобен?

— Как долго длилась ваша сексуальная связь?

— Три дня. Потом умерли мои родители, и он разорвал помолвку, — зачем я все это говорю, самой противно от жалости к себе.

— Значит так, пугливая девочка, сегодня мы знакомимся. Предупреждаю, можешь отказаться сразу, и я отведу тебя обратно, — меня передернуло от перспективы “обратно”. — Гиен подберет тебе других контрактников, способных тебя выкупить. Но, мы предлагаем отложить решение до утра. К одиннадцати нужно покинуть данный приют, а до этого времени подписать все бумаги. К этому времени мы будем знать, подходишь ты нам или нет. И ты примешь решение: остаться здесь или пойти с нами. Обещаем не обижать, но и ты должна пойти нам навстречу. Твое решение? Уходишь сейчас?

С ощущением, что проваливаюсь в бездну, я выдохнула:

— Остаюсь.

Да, я знаю, что наивная, мне говорили, но я снова повелась на обещания, да и зло здесь почти знакомое пусть и по-

множенное на четыре.

— Отлично, — кажется, он облегченно выдохнул. — Значит так. Сегодня полноценного секса у нас не будет. Но, — ага, он учуял мою нечаянную радость и поспешил опустить с небес на землю. — Мы будем рассматривать тебя, любоваться. Ты красивая, очень. — он стоял прямо передо мной, крайне близко, но не касался. — Будем прикасаться, ласкать, целовать и — мужчина зачем-то оглянулся. Движение почти знакомого незнакомца я почувствовала каким-то непонятным образом, а может это всего лишь моё воображение, и сказал будто не мне, — даже покусывать, есть среди нас любитель.

— Вас поэтому “псами” зовут? — вырвалось непроизвольно, и я тут же прикусила язык, так как почувствовала напряжение всей четверки. — Простите, я что-то не то сказала?

— Откуда ты узнала это прозвище? — голос звучал напряженно, со стальными нотками: захочешь — не обманешь.

— Распорядитель, когда завязывал глаза, сказал, что я досталась “Псам”, и они меня разорвут, — сдала я этого мерзкого человечка.

— Понятно, — мужчина мгновенно успокоился. — Ну так вот. От тебя требуется не пугаться и не зажиматься. Намеренно мы не станем причинять тебе боль, но вот разные интересные позы и ощущения — обещаем, — последнее прозвучало весьма самодовольно.

Шорох двери, щелчок, снова щелчок. Кто-то пришел или ушел? В комнате будто ничего не изменилось.

— А что будет, если я подпишу контракт с вами? — решила задать важный для меня вопрос.

Как же трудно стоять голой перед мужчинами, хочется прикрыться, спрятаться. Я чувствовала себя бесконечно неуютно, незащищенной, но в то же время было гораздо спокойнее, чем там, на сцене. Там и здесь я не могла видеть. Интересно, что за блажь с повязками?

— Станешь нашей любовницей на две недели. Главное условие: твои глаза всегда должны быть завязаны.

— Но это же неудобно! А я не ослепну за две недели? А как в туалет ходить? Есть? Одеваться? Ориентироваться в пространстве? — вопросы сыпались как горох. — Всегда? А ночью как? Тоже в повязке? Это же неудобно! — повторилась я, эмоции бурлили, того и гляди, вскипят.

— Согласен, это неудобно, но другого выхода мы не видим. На-ка, выпей.

— Но я не пью! — возмутилась во мне правильная девочка.

А потом подумала, что правильных девочек чаще обижают, и я больше не хочу быть правильной! Может, это мой шанс обрести почву под ногами, что это мое такое испытание, не видеть. Мама мне часто говорила, чтобы развить мою магию, нужно чаще смотреть не глазами, а даром. Но я ленилась, зачем напрягаться ведь и так все замечательно и мир

прекрасен, а дар совсем слабенький. Позже, когда не стало родителей и почва ушла из-под ног, я про дар и не вспоминала.

Протянула руку, взяла предложенный напиток и выпила одним глотком, нарушая все правила, вбитые родителями. Но сейчас это было рациональнее. Ведь правила созданы для того, чтобы были исключения. И вот такие исключения тоже бывают верными. Подумала и попросила добавки.

Я уже сидела у кого-то на коленях, прямо так, голой попой. Под попой была ткань, значит, он не разделся. Такие забавные выводы сделала мимоходом, сама себе удивляясь. Мне вложили в руки фужер на тонкой ножке и широким горлышком. Обвела его пальчиком, изучая. Привычным движением слегка взболтала жидкость, а после вспомнила, что на свет посмотреть не смогу. Зато у меня есть нос. Запах тонкий фруктовый и знакомый, а мои контрафакты явно не экономят. Это одно из самых дорогих вин. Сделала маленький глоток, покатала на языке, вбирая его вкус и аромат, прижала к нёбу, проглотила, наслаждаясь послевкусием.

Когда-то в другой жизни папа учил меня дегустировать вина. Давал попробовать самые дорогие из его коллекции. А пить я никогда не умела, в том смысле, что и от малого количества быстро пьянела и вела себя неадекватно. А однажды выпила слишком много с подругами на дне рождения, но там мы чего-то крепкого намешали. После этого я решила, что такое не для меня — слишком плохо было наутро. А

вечеринка в тот день вышла очень веселой, хорошо, что без последствий. Уж лучше пара глотков хорошего вина рядом с родителями, чем тайком непонятно что, отчего наутро чувствуешь себя отжатым виноградом. Может, поэтому у меня так и не появилось подруг среди сверстниц. У нас никогда не совпадали интересы и не только касаясь алкоголя и мальчиков. Я в то время ими не интересовалась.

— Шароле Вен Туре, примерно двухсотлетней выдержки.

— Перс, у тебя на коленях сидит истинный ценитель. Ле-ди, я в восторге. Вину 207 лет.

— Мой папа был настоящий сомелье и эстет по части напитков из винограда, а я так..., — продолжить не смогла из-за кома в горле, сделала ещё один маленький глоток. — Но это одно моих из самых любимых вин.

Мой отец действительно собрал обширную коллекцию лучших вин со всего света. И с наших виноградников много замечательных сортов было в погребе. И открывали их только по особым дням.

А еще в дни дегустации вина с нашего производства, отец учил нас с братом правильно дегустировать вино, отличить хорошее от некачественного и разбавленного. Различить вина нашего и чужого производства, учил распознавать букет. На различных праздниках, например, в честь первой лозы, отец принимал у нас своеобразный экзамен на все навыки, которые успели приобрести. И сажать лозы, и ухаживать, и снимать урожай. Учил различать сорта, какой сорт на что го-

ден, давить виноград, даже петь песни и радоваться счастьем окружающих.

Пары, живущие на виноградниках, подгадывали свадьбы и крестины именно в такие праздничные дни. Считалось, что сама лоза, живущая счастливо под солнышком и дающая щедрый урожай, подарит счастье и паре обвенчавшейся и отпраздновавшей рождение семьи или малыша около лозы. Большая радость, когда все жители деревни собираются и радуются за всех, одаривают добрыми мыслями и памятными подарками. Отец, как хозяин земель, благословлял пару или младенца на добрую жизнь.

Я же во всем радовала родителей, но поразила своим умением мгновенно пьянеть и буйствовать с одного бокала. Вот такой уникал на винодельне.

Сейчас я точно знала, что пила под острыми взглядами незнакомых мужчин, и скоро мне будет не до приличий, чувствую, что уже тянет похихикать, но я держусь.

Чувствовала себя странно, мне по-прежнему было очень неловко и страшно быть без одежды, но в то же время это казалось забавным, а разные ассоциации, возникающие в голове, делали почти любую их фразу смешной. Я продолжала наслаждаться вином, ароматом солнца, терпкой земли, сладкими нотами жасмина и невероятным фруктовым послевкусием и пыталась рассуждать трезво. Я почти никогда не могла учуять все тонкости буклета, но могла с удовольствием окунуться в него, испытывая блаженство. Особенно сейчас,

когда глаза не видят. Запахи я люблю и с наслаждением вдыхала ароматы вин.

Перс поглаживал мою неестественно прямую спину, мне все еще было не по себе, и справиться с собой я пока не могла. А его рука все чаще задерживалась на попе. Бокал опустел, а по расслабленному телу разливалось тепло, меня уложили на что-то мягкое.

“Кровать,” — пронеслось в голове не задерживаясь.

Я не чувствовала себя опьяненной, голова не кружилась, казалась ясной. Хотелось раскинуть руки и смеяться, лететь навстречу ветру, не сдерживая эмоции. Тело расслабилось, чего и добивались мужчины. И я хорошо осознавала, что будет дальше, поцелуи, нескромные ласки и кто-то особенно зубастый понадкусывает. Мне стало смешно. И все же пьяно хихикая, спросила:

— А кто у вас любит кусаться?

— Дем. Он сейчас подойдет, и вы познакомитесь.

— Хорошо, а кто лучше всех целуется? Предупреждаю, я не умею.

— Ты мне все больше нравишься, крошка. Я! Я хоть и младшенький, но целуюсь лучше этих снобов. Можешь звать меня Реем.

И он, не откладывая дело в долгий ящик, коснулся моих губ. Он целовал нежно, и скоро я самозабвенно отвечала ему, обхватила молодого мужчину за шею и не на шутку увлеклась.

Мой жених целоваться не любил, делал это быстро, напористо и заканчивал также скоро, переходя к наиболее интересному, на его озабоченный взгляд.

Поцелуй углубился, и я с удовольствием откликалась и страстно повторяла за Реем. Мне всегда хотелось проверить, как это потерять голову от поцелуев, и вот я её почти теряла и тонула в сладком омуте поцелуя. Его губы казались мне вкуснее и горячее вина, и пьянили они гораздо сильнее.

Попутно, мужчины, устроившись рядом, дарили мне наслаждение от своих прикосновений. Кто-то целовал и прикусывал пальчики на ногах, кто-то нежно ласкал грудь, касался губами и облизывал соски. Мне же ощущения казались волшебными, они словно будили во мне что-то неведомое, сильное, прекрасное. Ощущения, словно от игристого вина, щекотали изнутри и дарили радость.

В руках незнакомцев я почувствовала себя женственной, они говорили мне, как я хороша, какая вкусная и пахну сгущенным молоком и цветами. Я пропитывалась этими сладкими речами, поддавалась им. Мне это нужно, повысить самооценку, хоть так. Мой экс жених был недоволен небольшой грудью и волосами на лобке, и тем, что я стесняюсь. Сейчас мне казалось, что выползаю из своей раковины, где долго пряталась. Знала, что все иллюзия винного дурмана, и сознательно поддавалась ему.

Я стремилась навстречу чутким рукам и губам. Губы болели и их покалывало, а мне было мало поцелуев, хотелось,

чтобы эти губы всегда были на моих, чтобы его запах и вкус остались со мной. Хотелось впитать его.

Моих губ коснулось что-то тёплое, шелковистое и нежное. Поцеловала, коснулась языком. Почти сразу поняла, что это такое, но не испугалась, наоборот, захотела распробовать. Запах и вкус были крайне притягательны, и я продолжила исследовать мужской орган языком. В намерении гладкой головки все время появлялась капелька, на вкус ни на что знакомое не похожая, но ее хотелось слизывать снова и снова. Вроде бы я даже неприлично причмокивала от удовольствия.

Мужской орган оказался настолько твердым и нежным, упругим и бархатным одновременно, что я продолжала без стеснения его изучать: совершенно нежно-бархатная кожа под языком, горячая и сладковато-пряная на вкус. Какой же он длинный и широкий. Обхватила рукой. Моей ладонью управляли. Я ощупывала и поглаживала.

Я ужасно испорченная, раз мне все это нравится. Иногда я хихикала над тем, что да, я испорченная. Весело хихикала, когда нашла яички под членом. Что именно было смешного, не знаю, но они казались мне очень забавными и ассоциировались с бубенчиками.

Иногда я мысленно беседую сама с собой, в самые трудные времена это помогло продержаться на плаву, не сойти с ума, вот и теперь.

По природе своей я тихоня, спокойная, легко внушаемая,

так отец говорил. Хотел выдать замуж за сильную личность, чтобы я тянулась за мужем и училась у него. Отец считал, что такой человек убережет и подстрахует в опасной ситуации. Он полагал, что из моего жениха, пока еще молодого и малоопытного, вырастет защитник, серьезный и целеустремленный, как, собственно, его родитель. Папа тогда не знал, что его друг за наш счет, хочет поправить свое финансовое положение, которое сильно пошатнулось из-за сомнительных афер.

Заставила себя снова не думать, отрешиться и только чувствовать. Все мое тело, казалось, излучало удовольствие, оно пело под умелыми руками. Не сразу поняла, что кто-то очень страстно и безумно приятно ласкает грудь языком и губами, то одну, то другую, то обе. Кто-то целует сокровенное, женственное, моё: мои губки и клитор, и то, что вокруг. Так томительно, невероятно приятно.

Казалось, сейчас потону в том цунами, что закручивался вокруг меня, голова кружилась. Свой вкусный леденец я сосала и облизывала все усерднее, хотелось доставить такое же удовольствие и им. Я уже поняла, когда мужчина особенно низко постанывает, ему особенно хорошо и тут же выделяется предсемя. Я касаюсь круглой частью неба, а длинная скользит между губ, в этот момент член мелко вибрирует. Языком снова обвожу округлую головку и тщательно проверяю длинную ямку. Вдруг он запульсировал, парень протяжно застонал с каким-то хрипом. Мужской орган стал больше,

мужчина совсем тяжело задышал, но мне стало ясно, сейчас что-то будет.

И действительно, пульсация усилилась, в рот толчками выплескивалась пряная жидкость. Семя, поняла я. Почти все успела проглотить, но немного вытекло из уголка рта, и кто-то заботливо вытер мне губы и шею. Облизалась. Не сказать, что вкусно, но вполне терпимо. Оно содержало несколько вкусов: соленый, пряный и больше всего сладковатый. Больше всего поразил запах, он был острый, весьма необычный.

— Ты чудо, малышка! — Рей нежно поцеловал меня в губы. — Мне ещё никто с таким видимым удовольствием минет не делал.

— Ты очень вкусный, только губы очень устали. И я не сразу поняла, что делаю.

Мужчины рассмеялись, даже тот, кто что-то эдакое выцеловывал на моих нижних губках, так хорошо, что хотелось прижаться теснее.

— Раз ротик устал, пусть отдохнет. Возьми в ладони, — этот голос был мне незнаком. Я взяла предложенное. Он крепко сжал мою ладонь вокруг ствола большого возбужденного члена, заставил двигать рукой. Очень интересные ощущения. Я пыталась представить, все происходящее на огромной кровати, но быстренько задвинула картинку подальше. Слишком пошло, уши запылали жаром не меньше лица. В этот момент я особенно радовалась повязке и алкоголю в крови. Без этих составляющих определенно было бы гораздо

хуже, в плане стеснительности.

Мне становилось все приятнее и невыносимее одновременно. Слишком много ощущений, острых, ярких, сладких. Я металась на влажных простынях, хотелось чего-то неясного, но я могла лишь постанывать, хныкать и поднимать таз выше, навстречу ласкам.

— А ну-ка, вставай на четвереньки.

Меня быстро перевернули, пока сама я еще не сообразила, что от меня хотят. Кто-то устроился прямо подо мной, но неправильно, не голова к голове, а вовсе наоборот. Снова потянуло хихикать, но вместо смеха задохнулась от ощущений. Они резко усилились и вскружили голову. Мужчина крепко держал мои бедра, прижимая к своему лицу возбужденные складочки и нежно ласкал меня языком. Это настолько стыдно и настолько восхитительно приятно, что ни засмеяться, ни возмутиться я не успела. Удовольствие тягучим приторно-сладким ликером растекалось по животу и ногам, ударяя в голову.

В руку ткнулся еще один огромный, горячий жезл, голос этого “Пса” мне еще незнаком, но я двигала ладошкой так, как он подсказывал. Иногда по вздутым венам проходила неясная пульсация или волна, и тогда я облизывала круглую вершину в поисках вкусной капельки, она была сладковатой и приятно пахла. Мне не хотелось выпускать его. Если бы так не болели губы я бы и этим мужским достоинством с большим удовольствием сладко причмокивала. Все четверо

мужчин пахли по-разному, но все запахи очень нравились. Прикосновения также разнились, вероятно, как и характеры мужчин, но ни один не вызывал неприятных чувств. Это было тем, на что я могла сейчас опереться. Ощущения, звуки и запахи.

Я не позволяла себе думать, анализировать, выпитое вино этому способствовало, я погрузилась в тот калейдоскоп чувств, который мне дарили мои незнакомцы. В какой-то момент жар между ног стал ярче, сильнее и слаще, что-то взорвалось внутри дикими, невыносимо-приятными импульсами. Сильные и яркие волны разливались от лона по всему телу и мне стало очень-очень хорошо. Обессиленно упала на постель, замедленно соображая, что это был первый в моей жизни оргазм. Мое тело подрагивало и ощущения стихали, но иногда мягкими волнами накрывали снова.

— Ты умница, отдохни немного, а я побуду меж твоих булочек.

Пока я, расслабленная, отходила от неги окутавшей меня. Кто-то из мужчин стал тереться твердым и горячим членом между ягодиц, но не пытаясь попасть внутрь, а двигался вдоль дырочки, в сторону копчика. При этом ягодицы он то крепко сжимал и сводил вместе, то ослаблял хватку. Удивление во мне возрастало: “что и так можно?” То, что это странно пусть, главное, что не больно.

Кто-то лежащий рядом, ласково выводил узоры на моей спине, и это было во сто крат приятнее всего, что со мной

произошло за последние часы. Потому что это не секс, это нечто иного порядка. Нежность после всего я точно не ожидала.

Они действительно очень близки друг с другом. Пока один целует висок, другой в это время атакует меня меж ягодиц, с рычанием кончая мне на спину. Я слушала ласковый шепот, чувствовала горячие струи касающиеся спины и стекающие на простыни. С другой стороны тоже кто-то лежал, а где тогда четвертый?

Меня вытерли, снова перевернули и уложили на спину. Подушки остались под попой. Первый раз лежу в таком нелепом положении. И много теперь таких “первый раз” со мной будет? Решать только мне.

Меня еще долго крутили и ставили в разные позы, кажется, любовники решили преподать мне весь курс петтинга. Например, между грудями, а снова хихикала и предложила сделать это в подмышке. За это меня куснули за сосочек, я вскрикнула от удивления и резкой боли, и обиженно спрятала грудь ладонями.

— Нельзя, — громко скомандовала, словно собаке, защищая нежные сосочки.

Сбоку прыснули, когда я еще и пальчиком пригрозила.

Мужчины сдержали слово и в эту ночь у меня был секс любой, но только без проникновения. Я много целовалась и ласкала всех четверых мужчин. Они были страстны и неутомимы, заставляя меня раза за разом испытывать запредель-

ное удовольствие. Заставляя раскрываться, забывать о стеснении и любых рамках.

Глава 4. Контракт

19.03.3003

Проснувшись, не сразу поняла, что со мной и где я, почему не могу открыть глаза. В секунду накрыла паника, холодным потом поступив на коже. Но ещё через мгновение я вспомнила отчего на глазах повязка и замерла, прислушиваясь к звукам и ощущениям.

Поперек живота лежит тяжелая рука, еще одна конечность у меня на лобке. Я не укрыта, без одежды, но мне тепло. Они словно окутали меня собой со всех сторон. Главное, что нужно из всего произошедшего вынести, так это то, что я жива, абсолютно здорова. Чисто физиологически мне все понравилось. О моральной и нравственных сторонах думать нельзя, табу. Иначе зароюсь в самокопание и самобичевании. Я себя знаю. Над всем этим поплакать можно будет позже. Сегодня нужно решить подписывать с этими четырьмя контракт или нет.

Если быть честной с собой, то я и не надеялась, что кто-то сможет выкупить долги, которые наделал мой брат. Он игрок, очень невезучий игрок. Буквально за месяц он лишил нас всего и закопал поглубже в жуткие долги. Мне самостоятельно из этой ямы не выбраться. И теперь семейное предприятие на грани разорения. Я получила экономическое образование, понимаю, о чем говорю. Судя по бумагам разо-

ряли нас целенаправленно. С экономистами мы поняли, что началось все при отце, а когда он с мамой погиб, усугубилось многократно.

Наверное, эти четверо братьев богатые, но и ненормальные, раз посчитали возможным скинуться на меня одну. Интересно, чего такого особенного они от меня ждут. Полного послушания и работы с утра до утра на фронте любви? Они говорили две недели. Возможно, у них отпуск на две недели, и парни решили развлечься. Хорошо хоть не бьют. Но не факт, что и дальше будут столь же нежны со мной и предупредительны. Мой несостоявшийся муж первые два раз тоже не бил, а перед третьим разом, когда я неловко пыталась отказать, ударил кулаком в живот.

Не будет ли похожая ситуация и здесь?

Я до сих пор не понимаю, почему сначала пасовала перед женихом. Всегда была смелой в общении с разными людьми. Но никто и не смотрел на меня так насмешливо и презрительно, как он после нашего первого интима. Наверное, я его подсознательно, интуитивно боялась. И хорошо, что после дала отпор и он не успел ко мне снова прикоснуться.

Как поведет себя эта четверка сегодня? К чему готовиться? Было беспокойно. И еще очень интересен вопрос про повязку. Зачем?

Сплошные вопросы и ни одного ответа.

— Проснулась наша ласковая малышка? — голос вроде Рея.

— Да, — я против воли улыбнулась и почувствовала бодрящий запах. — Кофе, — восторженно выдохнула.

Руки, что до этого лежали на мне, пришли в движение. Приласкали и живот, и грудь, и интимное местечко со всеми прилегающими территориями. Кто-то успел поцеловать грудь, кто-то помассировал ножки и покусал пальчики на ногах. Ну, точно, среди них фетишист. Было немного щекотно, но в целом приятно и лёгкая волна желания появилась тут как тут. Мне помогли сесть.

— Не двигайся, сейчас поставим поднос и будем тебя кормить. Кушать будем быстро, так как уже полдесятого. Скоро придут наши юристы. У тебя есть еще полчаса на принятие решения. А теперь Рей тебя покормит.

— Открывай ротик.

Завтракала я булочкой с маслом и джемом и кофе, и поцелуями, нежными, сладкими, вкуснее джема, от которых кружилась голова и хотелось продолжения. Но вскоре все закончилось и булочка, и кофе, и поцелуи.

Мне было удивительно тепло рядом с ними сейчас, игривый настрой и у всех отличное настроение с утра. Они шутили между собой, и ко мне не было пренебрежения или неприятия, как я подспудно ожидала.

Я не наелась, но помолчала. Завтракать привыкла сытными кашами, а уже после булочки с джемом. Эх, ладно. Может, хоть попа меньше станет. Хотя на фигуру и внешность в целом мне грех жаловаться, все при мне. Кость тонкая, рост

чуть выше среднего, но грудь и попа выросли хорошие, а талия тонкая. Грудь подросла уже после встречи с женихом. Но вот бедра хотелось бы поменьше и нос ровнее.

Мамины подруги все как одна вздыхали: “невеста выросла и такая красавица!” Я всегда морщилась, считала, что их впечатления предвзяты. Нос слишком курносый, губы тонковаты, хоть и четко очерчены, а верхняя губа как-то задрана вверх, приоткрывая зубы. Ну хоть они ровные. Мне часто говорят, что глазастая, а в зеркале глаза как глаза, обычные и непримечательные. Брови мне подружки советовали выщипать и придать красивую форму, а то мои слишком густые. Однако мне и такие нравятся, а выщипывать очень больно. Вот и пойми как лучше.

После завтрака был душ. Сразу вспомнился душ вчерашний. Впрочем, повязку снять не дали, ни вчера, ни сегодня. Лишь после купания поменяли на сухую. Сами намылили и промыли волосы, нежно вымыли всю-всю меня и совершенно везде. Я уже даже почти не стесняюсь. И молчу. Вчера, потому что устала и очень хотела спать. Сегодня уже привыкла.

Мне высушили волосы феном и, сменив повязку, помогли надеть платье. По ощущениям, платье мое вчерашнее, в котором приехала. Только вот трусики и лифчик вернуть забыли.

— А белье? — тихо спросила, когда поняла, что все, больше ничего не происходит.

— Милая, если подпишешь с нами контракт, то о белье на ближайшие две недели забудь.

Да? Очень-очень жаль. Как быть, я до сих пор не знала. Не попаду ли я в еще большую ловушку, чем нахожусь сейчас. Смогу ли выдержать столько времени всех четверых? Однозначно не смогу. Это минус и огромный. Что они тогда будут со мной невменяемой делать? Не видеть долгое время, то еще испытание. Еще минус. Зато можно потренировать мой дар. Это плюс. Меня вроде не будут обижать, но это не вяжется с первым минусом. Так что неясно. Отсутствие белья — маленький минус, неудобно, но пережить можно.

А вот то, что, выкупая меня со вчерашнего аукциона, они покрывают все мои (и брата-шалопая) долги. Этот плюс перекрывает все имеющиеся минусы и те, что я еще не заметила.

— Сюда, присаживайся.

Ого, мы, кажется, пришли, и меня усадили в удобное кресло.

— Что ты решила?

— Хочу посмотреть контракт.

— Сейчас мы выйдем, ты снимешь повязку, возьмешь со стола бумаги и внимательно все прочтешь. Можешь внести любые правки на свое усмотрение. Мы со своей стороны их рассмотрим и постараемся прийти к компромиссу, устраивающему все стороны. Однако ты должна знать, что все пункты, включающие твои обязанности, изменению не подлежат.

Наши имена и фамилии будут закрыты для тебя, как и прочие данные.

О, как. Интересно, они всегда так себе любовниц выбирают? Полное инкогнито?

— Мы будем в соседней комнате и увидим тебя через зеркало на стене справа. На столе есть переговорное устройство, как будешь готова, включи его, и мы все обсудим. Для внесения правок к тебе зайдет наш юрист.

Жаль, у меня сейчас нет возможности проконсультироваться со своими бывшими юристами, потому как они бывшие.

— Контракт составили максимально просто и открыто. Для тебя он абсолютно безопасен. Мы честны с тобой. Если не захочешь подписывать, мы тебя поймем. Твоего брата, Олкэйна, уже выпустили под залог и обещание выполнять все рабочие обязанности по восстановлению вашего завода. Жить и работать он будет под присмотром наших специалистов. Наши люди наложили на него магический пожизненный запрет на азартные игры. Парень подписал согласие на наше вмешательство в его ментал и рабочий договор. Если Олкэйн нарушит любой пункт договоренностей, ему будет очень и очень плохо. И последнее. Ты нам очень понравилась и мы будем рады, если подпишешь контракт.

— Я могу поговорить с братом?

— Конечно.

Мне сразу выдали мнем с дозвоном Олкейну. Разговор

вышел коротким. Брат очень обрадовался, что со мной все хорошо. Он хоть и шалопай, мы одни друг у друга остались. Пусть в детские годы конфликтов и драк было не счесть, горе нас очень сблизило. Брату не стала рассказывать, в какой ситуации нахожусь. Сказала, что приеду через две недели и чтобы он не беспокоился. Быстро отключившись, перевела дух. Врать и увиливать не мое.

Контракт и четверка братьев благодетелей — ничем хорошим не пахнет. Как они рьяно взялись за нас. А не лишу ли я оставшегося нам с Олкейном наследства с такими помощниками. Как себя полностью обезопасить, я не знала. Но помнила, что стоит быть внимательной при заключении договоров.

У меня тряслись руки. Нервный мандраж, чтоб его. Все вышли, а повязку снимать было боязно. Нужно взять себя в руки и посмотреть, что там мне приготовили “Псы”.

Сняла и несколько минут моргала, глаза долго привыкали к свету. Да, за две недели они атрофируются.

Принялась читать: *“Договор на оказание услуг”*.

Далее шли имена *“Перс, Дем, Рей и Гай”* — это больше на клички похоже... И пустое место для их паспортных данных. Ладно, что там дальше.

“Именуемые в дальнейшем “Наниматели” и с другой стороны леди Силайн Амальрик де Ревиль (мои паспортные данные)”.

Интересно, где они их взяли, я сюда без документов при-

шла.

“Именуемая в дальнейшем “леди Силайн” заключили настоящий Договор о нижеследующем”.

Ха, “леди”. Это они сьуморили? По происхождению все верно, я — леди, а вот судя по тому, на что нужно подписаться — шлюха. Неприятно, зато честно.

Далее стандартные термины, а вот:

“Наниматели нанимают леди Силайн для оказания сексуальных услуг с правом полного пансиона сроком на две недели”.

Я грустно улыбнулась “Леди” и “оказание секс услуг”, прямо анекдот, печальный анекдот.

“Договор вступает в силу с момента подписания 19.03.3003 года (то есть сегодня) и имеет силу до 33.03.3003 года.

Все расходы, возникающие во время действия настоящего Договора берут на себя Наниматели.

Вознаграждение за услуги (сумма меня впечатлила и породила новые сомнения)”.

Что же они от меня такого запредельного хотят?

“Наниматели обязуются выплатить все долги леди Силайн и ее брата, вернуть семейное предприятие по изготовлению вин леди Силайн и оказать всю возможную помощь по налаживанию финансовых, юридических, производственных и прочих процессов”.

Вот здесь я остановилась и перечитала длинный текст. За-

чем им это? Они что, меценаты? Мне стало страшно. Здесь дело явно не только во мне и секс услугах. Чего они хотят?

Я осторожно посмотрела на зеркало, но увидела лишь свои испуганные глаза и быстро отвернулась. Они же смотрят.

Запиликало переговорное устройство, но я, не глядя в зеркало, отрицательно покачала головой, и включать его не стала. Не время.

Читаем дальше.

“Права и обязанности сторон.

Наниматели обязуются предоставить.”

Далее шли пункты:

“Условия для комфортного проживания леди Силайн без возможности видеть.

Комфортное жилье.

Безопасность (как размыто).

Сохранение физического и психологического здоровья леди Силайн.

Медицинскую помощь в случае необходимости.

Средства контрацепции”.

Интересненько, я приписала еще пункт о питании в соответствии с моими потребностями, вкусно и разнообразно. Уж очень голодно мне сейчас, после скудного завтрака, а от нервов еще голоднее становится. Добавила пункт об обеспечении меня “женскими мелочами”. У меня сейчас ничего нет. Даже расчески.

Ладно, допустим, я предоставляю им интимные услуги, высплюсь, наемся (надеюсь, все это будет реально). Чем мне заняться дальше с учетом повязки на глазах? Музыка? Аудиокниги? И все? Нужно выбить прогулки с возможностью видеть хотя бы час в день. Наверняка территория будет огорожена и охраняема.

Дописала про музыку, книги и прогулки без повязки по оговоренной территории, но пока без времени, а то вдруг откажутся.

Дальше шли мои обязанности, интересно, что там?

— *"Пройти медицинское обследование до выполнения обязанностей."*

— *Принять меры контрацепции, предложенные Нанимателем и одобренные врачом."*

— *Рядом с Нанимателями всегда быть с завязанными или закрытыми глазами, в том числе и ночью. Запрещается видеть Нанимателей глазами"*.

Приписала, что повязка обязательно снимается на прогулках без Нанимателей, в ванной и туалетной комнатах во время уединения. Мало ли какие они извращенцы, нужно многое предугадать и предусмотреть. Провела стрелку вдоль полей к пункту про мое драгоценное здоровье, которое Наниматели обязуются сохранить.

— *"Безоговорочное подчинение"*.

Я зачеркнула слово "безоговорочное", я понимаю, что буду обязана подчиняться, но оговорки вполне возможны с мо-

ей стороны.

— *"Добровольно и охотно соглашаться на все эксперименты, в том числе сексуального характера"*.

Зачеркнула слово "охотно", это нереально. Остальное страшит до трясущихся поджилок, но переживу с такими-то бонусами. Ведь понимаю, что эту часть точно не уберут.

Подумав, внесла пункт о непричинении боли, физической и моральной.

— *"Прожить две недели с Нанимателями доверяя им себя, свое тело и жизнь"*.

Последняя формулировка ввела в замешательство, не очень поняла, что имеется в виду. Повернулась к зеркалу, смотря будто сквозь него, желая увидеть их, и мне на долю секунды это удалось, не глазами, нет, а даром. Размыто увидела пять фигур. Пятый, наверное, юрист. Вздохнула.

Далее в бумагах говорилось, что расторгнуть Договор могут только Наниматели. Также Договор перестает действовать в случае смерти одной из сторон (либо всех мужчин, либо одной меня). Отдельно оговаривалось, что причиной смерти не могут быть Наниматели, иначе они несут ответственность за содеянное перед законом. В случае желаня расторгнуть договор с моей стороны, раньше предложенного срока, я должна договариваться с Нанимателями. Они примут окончательное решение.

Еще немного стандартного текста и место для подписи.

Я снова вздохнула и нажала кнопку переговорного

устройства.

— Сейчас к тебе зайдет юрист и скопирует для нас твои дополнения и исправления.

Почти сразу в комнату вошел крепкий мужчина в возрасте. Он быстро и безэмоционально прочитал мои приписки, скопировал текст, нажал на маленький сенсорный экран рядом с зеркалом, которое занимало большую часть стены. Открылась небольшая дверца, и мужчина вложил туда листы. Бумаги с моими исправлениями вернул мне. Себе он также оставил экземпляр и устроился в кресле сбоку от меня и лицом к зеркалу.

Я же села вполоборота к стеклу, юриста видела боковым зрением.

Запиликало переговорное, я его включила.

— Итак, ты добавила несколько исправлений. Включаем пункты о питании, “женскими мелочами” тоже обеспечим, позже составишь список, музыка и аудиокниги будут. По прибытии расскажешь, что предпочитаешь и мы подберем что-нибудь интересное. А вот все прогулки только в нашей компании.

Я покачала головой.

— Прогулки без повязки обязательны, это ради моего здоровья, у вас есть такой раздел обязанностей. Так вот, минимум четыре часа ежедневно и без вашего внимания. Мне нужно личное пространство и время, а также отдых глазам.

— Один час в день достаточно.

Все же голоса у них красивые, готова слушать и слушать, но не отвлекаемся.

Я посмотрела в зеркало, туда, где был смутный образ говорившего, кажется, это Перс, он самый широкоплечий.

— Три часа.

— Два и на этом точка, — сказал как отрезал.

Улыбнувшись про себя, я очень быстро, не давая ему передумать, ответила:

— Согласна, — улыбка все-таки прокралась на мои губы.

Из устройства слышался басовитый, негромкий смех всей четверки. Юрист улыбался, но правки вносил сразу в планшет.

— Хорошо, — низкий голос с улыбкой. — Я правильно понимаю, на длительные прогулки ты не рассчитывала.

Я лишь пожала плечами, пусть думает что хочет, но улыбку подавить не получалось.

— Идём дальше, твою правку про снятие повязки на индивидуальной двухчасовой прогулке принимаем. А вот почему ты зачеркнула “безоговорочное”? Мы настаиваем на полном подчинении без возражений.

— Потому что я не умею подчиняться, тем более беспрекословно. Это нереально.

— А ты постарайся, это необходимость и твоя обязанность. Этот пункт оставляем без изменений, — голос звучал четко, уверенно и отрывисто — не уступит.

Я так и думала, жаль, но я предупредила. Хотя постарать-

ся будет нужно.

— Далее, объясни почему не хочешь участвовать в наших играх, вдруг тебе понравятся наши эксперименты? Мы, честно говоря, на это и рассчитываем.

— Вот когда понравятся, тогда и соглашусь охотно, а пока хватит и добровольного согласия, — я хмурилась и не верила в то, что говорю. В то, что все это происходит со мной.

— Хорошо, правим. Пункт о непричинении боли также вносим.

А не слишком ли легко прошли переговоры? А могла ли я еще больше смягчить условия и ограничить их во времени, например, заниматься сексом не дольше трех часов за раз и не больше четырех заходов суммарно в сутки. Ну не маньяки они, чтобы сутками этим заниматься. Решила, что вроде все неплохо. А дальше попробую договориться, ссылаясь на пункт о здоровье. Прогулки грели душу.

Вскоре мне выдали исправленный вариант. Все было верно. Еще раз просмотрев документ, убедилась, что неучтенных приписок и мелких шрифтов нет.

Больше всего в этом контракте меня пугало, что этот документ волшебным образом решал все мои проблемы. Мы не в сказке, а реальная жизнь часто очень больно бьет, уж мне ли не знать.

Я уже держала предложенную мне ручку над полем подписи, но остановилась и, крутя в пальцах стильный металлический корпус, решила спросить:

— Скажите, ведь есть что-то ещё, что вы ждете от меня кроме сексуальных отношений? Слишком уж выгоден для меня контракт.

С минуту длилось молчание.

— Ты права. Это нечто жизненно важное для нас, но тебе это не несёт ни угрозы, ни вреда.

— Отчего тогда это важное и безобидное не внесено в контракт?

— Оно необязательное и от тебя не зависит. Это все, что мы можем рассказать тебе.

— Скажите честно, это касается моих виноградников и завода?

— Нет, не касается, совсем. То, для чего нужна нам ты — личное. С заводом мы помогаем просто потому, что можем. Это в сущности наша работа. Мы поддерживаем предприятия страны. Нуждающимся оказываем необходимое содействие, а также ловим экономических преступников.

На лекциях нам рассказывали, что можно обратиться за помощью к Правителю, у него есть структуры, которые помогают в ситуациях, близких к моей. Но обо всем этом столько слухов, что не решилась. Зато обратиться к криминалу решилась и сразу влипла. Думала быстрее и проще, без бюрократии и долгого ожидания.

Я перехватила поудобнее ручку и подписала контракт во всех подходящих местах и экземплярах на сексуальное рабство сроком в две недели. Все, я пала ниже некуда, прода-

лась четверем невнятным мужчинам со странными требованиями. Но оставаться в норе Гиена, мне не хотелось больше ни секунды. Из двух зол выбрала меньшее. Действительно ли меньшее? Только время покажет.

“Псы”

Перс уже четко знал, что за девочка попала им в руки. Братья читали размноженное досье, что он получил по мне-му* совсем недавно. Его людям хватило ночи, чтобы многое раскопать. А вот Дему сегодня должен прийти доклад из тeneвых источников. Как так получилось, что родители погибли по дороге домой в аварии? Кто сделал все, чтобы разорить самое крупное в этом регионе производство вин? И кто подсадил брата Силайн на азартные игры?

Пока мы будем приручать девочку, наши спецы покопаются в этой истории. Позже все вместе решим вопрос, как все вернуть в правильное русло.

Глава 5. Перелет

Очнулась от грустных мыслей после негромкого покашливания. Юрист держал передо мной черную ткань. Ну вот и начался отчет.

Как только повязка легла на глаза, я услышала, как в комнату вошли. Меня взяли за руку и повели. Коридоры, лестницы, коридор.

— Ты сделала правильный выбор, малышка. Твой экземпляр договора будет у тебя в сумочке. Сейчас план такой: сначала на медицинское освидетельствование, что ты здорова, укол для контрацепции, насколько я понял, он на шесть месяцев. Сроки устраивают?

— Вполне, — мой голос был глух, а я сама в некотором оцепенении.

Чувствовала себя собачкой на поводке со слишком туго затянутым ошейником. Хотелось на воздух. Срочно.

Шорох открывающейся двери и через миг меня обдувает теплым воздухом. Пахнет пылью, дорогами, городом, и я стараюсь вдохнуть полной грудью. После спертых помещений этот показался свежим и оживляющим.

— После едешь в салон красоты. Мы хотим, чтобы ты полностью расслабилась. Вечером у нас перелет в тропики. Ближайшие две недели будем жить на острове у океана.

Я шла, слушая шумы вокруг, мы почти у самолёта. Волнение нарастало. Снова. Я сегодня как на экстремальных горках, то спокойна как скала, то в смятении, как море в шторм. Мужчины, которым я принадлежу, окружили меня. Двое по бокам, один ведёт под руку. Меня теперь все время кто-то касается, это немного нервирует, я не привыкла. Один спереди всего на пару шагов, один сзади также в двух шагах. На мне шикарное, хоть и повседневное дизайнерское белое платье из летящей ткани, изящные босоножки на тонкой шпильке, тёмные очки, а под ними повязка. Все это мне вручили в лимузине, куда усадили сразу, как вышли от Гиена. Перед открытыми дверями авто меня поцеловали все четверо и снабдили инструкцией снять повязку через минуту, а водитель отвезет куда нужно. Сопровождала меня везде телохранительница Надин. Переодевалась я в лимузине. Вещи передала мне все та же Надин. В пакете только белья не было, но спрашивать у женщины я не стала, про что-то такое меня предупреждали.

У врачей я провела несколько часов. Обследование было полное, и не все анализы будут готовы сегодня, завтра, некоторые пришлют, когда срок действия контракта уже истечет. Потом был обед, мы с Надин и водителем перекусили в ближайшем кафе, а дальше салон красоты, мужчины решили навести мне лоска. Все процедуры были приятны и для лица, и для волос, и для тела. Кроме депиляции, во всех местах роста волос, кроме головы, но и это оказалось терпимо.

Самым лучшим подарком для меня на сегодня стала сауна со специальными мазями на все тело, а после расслабляющий массаж всего тела. Я действительно постаралась не думать о пугающем будущем, которое подошло вплотную и, казалось, вот-вот стукнет по темечку, за наивность и ромашковость. Мама часто так говорила. Но теперь ее нет, лепестки почти все облетели, но несколько точно осталось и, боюсь, в ближайшее время их вырвут с корнем.

Морально готовилась к сложным испытаниям, к чему-то такому страшному и ужасному, что нужно вынести и вытерпеть и не плакать до поры до времени. Злилась сама на себя за страхи. Понимала, что я больше надумываю, но совладать с собой не получалось.

А в данный момент, самолет казался мне той мышеловкой, сыр из которой я уже надгрызла.

Ветер свободно трепал распущенные, красиво уложенные волосы. Макияж делать не стали, только маникюр, педикюр и прическу. Самым острым ощущением был ветер под юбкой, он так ласково касался освобожденной от одежды и волос чуткой кожи, что моё внимание почти все время было там, под платьем, где все голо, это вызывало тревогу и возбуждение. Вдруг от порывов беспокойного ветра лёгкая юбка взметнется слишком высоко. Успокаивало то, что мужчины огораживали меня со всех сторон.

Встретили они меня здесь, в аэропорту, так что весь день я наслаждалась тем, что вижу глазами. Уже на подъезде в аэро-

порт мне подали узкую, но плотно закрывающую глаза ткань и темные очки. Глаза я прикрыла, не пытаюсь подглядывать, лишнее любопытство ни к чему. Лучше буду слушать и чувствовать, учиться смотреть даром.

Магии и магов почти не осталось, во всем мире лишь единицы. В нашей семье из поколения в поколение испокон веков передавался дар видения по женской линии. Мама немного владела своим даром, но он был очень слабым, хоть она и старалась развивать его всю свою жизнь. Мне и того меньше досталось. Родительница просила совершенствовать, заботиться о даре, но я не слушала, отмахивалась. Зачем тренировать ту капельку, которая не поддается? И правда, ведь у меня никогда ничего не получалось. Зато сейчас небывалый прогресс.

К магии и магам в целом отношение у всех было доброжелательное, но меня мама просила не рассказывать попусту, что имею хотя бы крупницы. И все потому, что еще до моего рождения вышел указ Правителя, каждому человеку обладающего даром необходимо явиться в специальную службу для регистрации. Потом появились страшные слухи, что многие маги пропадали, явившиеся по приказу. И никто об их судьбе не знает. Вот и стали люди побаиваться. У мамы был маленький и безобидный дар, родители решили, что никому хуже не станет от слабенького незарегистрированного мага. Так спокойнее было и отцу, и маме.

Когда выяснилось, что у меня по материнской линии пе-

редалась магия крови. Отец сначала хотел обратиться в ту загадочную службу, но перепуганная слухами мама отговорила. Она убедила отца, что дар у меня еще слабее, чем у нее. Примерно так и было. Вскорости все забыли, про мою магию, в том числе и я. Но вот теперь она, кажется, начала просыпаться.

Поднялись по трапу в том же порядке. Запах самолета ни с чем не спутаешь, мелодичный голос стюардессы поприветствовал нас. Один из мужчин вскоре усадил меня в кресло, но не пристегнул. Оно оказалось широким и весьма удобным. Мягкие подлокотники, по ощущениям, были из кожи.

Все тот же певучий женский голос предупредил, что взлетаем через пару минут и не хотим ли выпить. Меня мучила жажда и нервное перенапряжение.

— Воды, если можно.

Произнесла я тихо, но девушка отозвалась быстро и вежливо.

— Одну минуту.

Мужчины пить что-либо отказались.

Двигатели зашуршали чуть настойчивее, и я почувствовала легкое и очень плавное движение, несвойственное самолетам в моих прежних полетах. Этот явно отличается в лучшую сторону. Момент отрыва от земли тоже чувствовался весьма слабо. Потом мне принесли воды. Бутылочка и трубочка. Мужчины помогли сориентироваться и подали трубочку к губам. Напившись, поставила бутылочку в отверстие

в подлокотнике, не без помощи, конечно.

Неожиданно кто-то из мужчин погладил мои ноги, икры и щиколотки. Я замерла от такого явного перехода к чему-то неприличному прямо здесь. Переживая нервные, пугливые мурашки, побежавшие по ногам от его горячих ладоней, я вздохнула и крепче вцепилась в подлокотники. Непознанный мной из четверки потянул лодыжки в разные стороны. Колени при этом я старалась держать вместе, но не получилось. Ступни он мне развел широко и руки заскользили вверх по коже, до коленей. Преодолевая мое невольное сопротивление и скованность из-за адского смущения (у меня же трусиков нет), раздвинул и их в стороны настолько широко, насколько позволяло широкое сидение.

— Держи ножки так, вместе не своди, — я вслушивалась в тембр его голоса.

Очень приятный, мужской. Его хотелось слушать и слушать. Я чуть не заерзала попой на кресле, соединив ноги, на мгновение погрузившись в голос, а не в смысл сказанного. Смысл дошел чуть позже, вместе с движением горячих ладоней по бедрам, задирая юбку. Я напряглась, не зная, чего ожидать, страшась неизвестного и отчаянно борясь с собой, чтобы не сказать и не сделать лишнего. Я напоминала себе, что сама подписала контракт и пункт о добровольном соглашении хорошо помню. Благословляющие, если так сложно сейчас, что же будет дальше? Выдержу ли?

— Мы хотим весь полет любоваться тобой. Не напрягайся

так, больно не будет.

Судя по довольным ноткам, им весело.

— А вас выставляли хоть раз на всеобщее обозрение голышом? Тоже больно не было? — язык мой враг, ну что стоило промолчать.

— У нас нет цели сломить тебя. Мы хотим, чтобы ты получала от происходящего такое же удовольствие, что и мы. Поэтому и даем банальный совет расслабиться. Мы видим твоё смущение, тебе это идет. И ты уже влажная, значит, все не так плохо.

Тут я почувствовала невесомое прикосновение к сокровенному, словно снова ветерок прошелся.

— Какой нежный розовый бутон, — его голос гипнотизирует, а пальцы оживляют плоть под собой.

Чувствую, как кровь прилила к губкам от этих легких прикосновений, и оттого, что на меня смотрят в такой момент, их слегка покалывает. — Ммм, отлично. А теперь на десерт.

К самому входу прикоснулось нечто прохладное и немного погрузилось внутрь. Остановилось. Это нечто казалось маленьким и не живым.

— Закрепил, это всего лишь небольшой вибратор, не бойся, — меня хотят успокоить. — Мы будем посмотреть, как твоё тело станет увлажняться и набухать. Уверяю тебя, это восхитительное зрелище. А у нас развито чувство прекрасного. Советую, насладиться процессом, так тебе будет легче в дальнейшем. Мы же говорили, что извращенцы. Любим

использовать всякие игрушки. Сейчас в тебе лишь кончик сочно-красного вибратора.

— А если сюда кто-то войдет? — спросила непослушными губами.

— В течение полета мы будем одни. Стюардессе тоже запрещено входить. Никто, кроме нас, тебя не увидит.

— А если мне станет неудобно сидеть в одной позе долгое время?

— Можешь устроиться поудобнее в любой момент, ничего страшного не произойдет. Если что мы поправим вибратор. Главное, будь открытой для нас. Захочешь, выйти в туалет, попить, покушать, поговорить или что-то еще, мы в твоём распоряжении.

Он отошел.

Сама не знаю как, но сейчас я видела или чувствовала черно-белую, немного мутную картинку: напротив на больших светлых креслах сидели трое. Тот, что проделал сейчас это со мной, сидит четко напротив. Четвертый сидит слева от меня у иллюминатора. Я же сижу на среднем кресле из трех в ряд. Последнее пустое. Больше кресел нет. Не знаю, воображение это или мой дар, но таким мне все кажется. Самое печальное, что не могу четко разглядеть лиц и какие-либо уродства на них.

Я же сижу вся напряженная, расслабиться и получать удовольствие не получается. Стыд жжет, все силы уходят на то, чтобы не прикрыть себя, не опустить юбку и не сдвинуть

вместе колени. Пальцы на руках заболели от напряжения, оказывается, я мертвой хваткой вцепилась в подлокотники. Как мне успокоиться и принять ситуацию? Медитировать? Вчера я была с ними, раскованная и пьяная. Алкоголь помог. Что же я так переживаю? Мне еще две недели радовать их взор.

Вдруг между ног завибрировало, я аж подпрыгнула от неожиданности, и эта штучка выскочила из меня.

— Что же ты такая пугливая, крошка? Сейчас все вернем на место.

В меня снова погрузили кончик вибрирующего предмета, но теперь немного глубже.

— Вот так замечательно. Малыш, я буду менять скорость и амплитуду вибратора, не пугайся. Потом отключу, чтобы твой организм отдохнул, но после включу снова, — он поцеловал мою коленку, приподнялся и навис, опершись на подлокотники, но не касаясь меня. Я чувствовала его всем телом, его жар, запах, видела его своим седьмым чувством.

Мужчина мимолетно коснулся моих губ. Все мое существо мгновенно реагирует на его призыв, и я затаилась в ожидании нового желанного поцелуя. Вчера меня так сладко целовали, что тело помнит и горит в жажде повторения.

Он углубил поцелуй, поймав пальцами подбородок, так сладко, так упоительно целовал меня, что остановиться было мукой. Но он сделал это. Отошёл, сел и сменил режим вибрации, она усилилась, но потом затихала и снова усилилась

и так по кругу. Мне почему-то захотелось, чтобы эта штучка погрузилась глубже, чтобы усилить ощущения. Я в самолете на неизвестно какой высоте, с задранной юбкой и вибратором в лоне. Четверо уверенных в себе мужчин смотрят на меня, раскрытую и возбужденную. Не-ве-рю. Какой-то сюр.

Сколько это длилось, я не знаю. Я привыкла к постороннему предмету между ног, который то двигался, то замирал.

Сначала я прислушивалась к его вибрации и к отклику в моем теле, приятное тепло разливалось по оголенному местечку, животу и ногам. Меня накрывало от потребности в прикосновениях, но я мужество держала свои хотения при себе. Наконец, откинула голову на подголовник, расслабилась и постаралась сосредоточиться только на ощущениях. Потом мне захотелось двигаться, подставить другие местечки под быстрые движения игрушки. В какой-то момент я устала все это отслеживать и привыкла к сменяющимся режимам. И когда он утих, я не сразу это поняла. Казалось, вибрация забралась под кожу, и она еще долго зудела.

Как я задремала, не знаю, но очень удивилась, осознав, что проснулась. Голова моя покоилась на коленях у мужчины, я лежала горизонтально и вполне комфортно.

Неужели мы прилетели, а я все проспала? Прислушалась, не желая быть обнаруженной, что уже не сплю. И все же уловила легкий гул двигателей, значит, еще летим. Мужчин не было слышно, постаралась понять здесь они или нет. И если это не мои фантазии, то все четверо на месте. Один, на коле-

нях которого нагло отдыхаю, осторожно и как-то задумчиво перебирает мои волосы. Ещё один держит в ладонях ступни, что-то читает с мнema*, остальные двое сидят напротив, уткнувшись в ноутбуки. Поняла, что лежу поперек сидений.

Решившись привстать, пошевелилась и почувствовала, что внутри меня что-то есть. Неожиданно началась сильная вибрация, вызвав яркие ощущения.

Подскочила, села на ощупь в свое кресло. От моих резких и нервных действий это вибрирующее нечто выпало из меня, и пока я усаживалась поудобнее, попала мне под ладонь. Влажная и подпрыгивающая штукавина буквально жгла ладонь, сжала ее, штучка оказалась гладкой, округлой, похожей на небольшое яйцо и для чего такие. Трястись она прекратила также внезапно. Я раскрыла руку, и вибратор принялся тихо жужжать, но всего на пару секунд, а потом подскочил на ладони с новой силой. В испуге дернулась, и она куда-то улетела и вновь затихла. Что-то я слишком нервно на все реагирую, так и заболеть недолго. Пора приходить в себя и вспомнить, что я взрослая и давно самостоятельная женщина, а не пугливая лань.

Все оказалось не так просто, как я себя убеждала. Я действительно перепугалась. Вернулся страх наказания, насилия или ещё чего-то страшного, чего за доли секунды успел напридумывать мой мозг. Я нарушила основной пункт о полном повиновении.

Но мужчины смеялись, видимо, я представляла забавное

зрелище со своими диковатыми метаниями.

Моментально успокоившись, я решила, что смелость берет города, и медленно развела колени в сторону. Смех прекратился. А после также не спеша, чувствуя легкое скольжение ткани по коже, поднимала юбку.

— У тебя потрясающе красивые кисти рук и изящные пальцы, — выдохнул Дем.

— А ножки еще лучше! — перебил его Рей. — А то что между ними, ммм, какой сочный, бархатистый плод.

Они же этого хотели? Я еще планировала сама себя погладить у них на глазах, но духу не хватило. Пальцы отказывались повиноваться. Поэтому замерла.

Я обдумывала свое бессознательное поведение, и планировала как можно быстрее исправиться. Мне в моей темноте представлялось, что все четверо из-за непослушания неимоверно злы тем, что села без разрешения, еще и потеряла вибрирующее яйцо. Мой бывший жених именно так и вел бы себя. Но мужчины, с которыми я подписала контракт, повели себя по иному сценарию. Значит, они лучше, чем я о них думаю.

Опыта общения с противоположным полом мне сейчас сильно не хватало. Экс жених обычно вел себя крайне вежливо и предупредительно, а когда мы оказывались наедине, то мог взрываться по неизвестной мне причине и быть довольно грубым. В такие моменты он мог, например, сильнее сжать мои пальцы, что у него в руке, так что слезы выступа-

ли на глазах. Но потом он всегда извинялся и оправдывал свое поведение таким образом, что в итоге я чувствовала себя виноватой. И только после встречи недоумевала, вот как он так все вывернул, что я снова извинялась за синяки на своем теле.

Может отсюда у меня страх наказания?

Ладно, все эти мысли можно отложить, ведь сейчас его нет и больше не будет в моей жизни. Неожиданно почувствовала, что слишком голодна и это вернуло меня в реальность.

— О, я гляжу, ты осваиваешься. Отлично. Как себя чувствуешь? — это был Перс.

— Голодной.

— С этим мы всегда тебе поможем, — голос у Рея был мурлыкающим.

— Брат, наша леди не о том голоде говорит, — с улыбкой обломал его Перс.

— Ну как так, она и так весь полет бессовестно проспала! А мы так хотели поиграть, — наигранно недовольно ворчал голос младшего, Рея.

И в это же время он целовал теплыми губами мое колено и гладил клитор и губки, нежно, приятно.

— Придется кормить, — продолжил ворчать Рей, снова вставляя в меня вибратор. Пальцами он растер влагу по складочкам, немного приласкал клитор, отчего стало жарко. Убедившись, что дыхание у меня сбивается, и я сама подаюсь навстречу его прикосновениям, мужчина целомудренно опу-

стил подол юбки и отошел.

— У вас есть карты или шахматы? — запинаясь, зачем-то спросила я, он же говорил про игры.

Мгновение полной тишины, и ее взрывает здоровый мужской хохот. Посторонний предмет, находящийся внутри меня, завибрировал, полностью возвращая с небес на землю, в фигуральном смысле. В практическом, мы находились в небесах. Я все еще слышу характерный рев двигателей, хоть и приглушенный.

— Нет, Леди Силайн, мы хотели поиграть с тобой в неприличные игры. Но ты пока не готова, и мы скоро садимся. Сейчас внутри тебя вибрационное яйцо и будет в тебе, пока не прибудем на место, постарайся его не потерять.

Сменился режим вибрации на три коротких и два длинных.

После того как мы перекусили, тем что принесла стюардесса, действительно, вскоре приземлились.

Глава 6. Остров

20.03.3003.

Я снова стою в центре внимания. В прямом смысле. Кожей чувствую, что меня обступили со всех сторон. Стоят близко, все четверо. Спереди, сзади и по бокам. Мое напряжение сводит с ума. Расслабиться не получается. Они так близко, но никто не касается и молчат. Чертова тишина, но нет, не тишина: слышны звуки волн и крики морских птиц. Кожа стала гусиной, кажется, они в миллиметре от меня, боюсь шелохнуться и тяжело сглатываю. Этот звук пугает меня, хочется съежиться от неловкости, но не позволяю себе, плечи расплавлены, голова прямо. Руки хотят сжаться в кулаки, будто именно так будет легче пережить момент. В который раз с силой распрямляю пальцы, не позволяя ногтям впиться в ладони.

Хоть я и в платье, но чувствовала себя голой под их взглядами. Мое тело мне самой напоминает перетянутую струну. Это напряжение состоит не только из страха, его-то как раз не так много. Там больше ожидания неприятного, неизбежности, тревоги неизвестности и в то же время предвкушение. Мне обещали и даже показали, что меня ждет. Оно, напряжение, какое-то электрическое, тугое, подняло все мелкие волоски на теле, оставшиеся после депиляции.

“Я не сломаюсь, — твержу про себя. — Смогла справиться-

ся, когда родители умерли, смогла управляться как-то с делами и всеми возникающими трудностями и сейчас смогу".

Как я тогда справлялась это другой вопрос. На мне были виноградники, производство вин, брат, и его учеба, моя дипломная работа, люди с их проблемами и зарплатами и множество счетов. А еще управляющий, который раньше был тише мыши, всегда неприметный, теперь наступал на меня словно бульдозер, давил доводами и проблемами. Настойчиво предлагал продать часть виноградников соседу на юге, который давно мечтал о тех землях. Управляющий подводил факты так, что они казались неоспоримыми и единственно верными. Я долго колебалась, но что-то останавливало меня. Это мое наследие и пока я не на той грани, чтобы продавать земли.

По завещанию отца, я или брат не можем поодиночке распоряжаться своими долями до двадцати трех лет. Только совместно с управляющим. Позже я узнала, что наш управляющий таким образом продал земли, которые по бумагам числились за братом, но уже другому соседу. Куда ушли те деньги, до сих пор неизвестно. Брат говорит, что ничего не знает и отводит глаза. Неужели все проиграл? Хорошо, что я свои накопления сразу перевела на неприкосновенный счет, с которого смогу брать деньги только после двух условий: двадцати трех лет и замужества.

Однако скоро наш управляющий исчез, но не сразу. Сначала я стала допытываться, в каком состоянии дела, земли

и финансы. Что может двадцатилетняя девчонка против пятидесятилетнего интригана? Внятных ответов я так и не получила, хотя и пригрозила судом.

Постепенно, со взрослением и знаниями, я поняла, что наше семейное, лелеемое папой и мамой предприятие, переживает не лучшие времена. Более того, наше дело близко к разорению, и этому способствовали многие факторы: и сбежавший управляющий, и конкуренты, и неумелые мы с братом.

— Вот мы и на месте, — неожиданно в полной тишине последних двух-трех минут, пока меня окружали, голос, прозвучавший над ухом, напугал. — Считай это место домом, малышка, на ближайшие пару недель, — я вздрогнула, а он прижался к моей спине и обхватил за плечи. — Тебе здесь будет очень-очень хорошо, уж мы постараемся, — продолжал “мурлыкать” этот “пес”. Вот уж каламбурчик.

Чувствую, то чем они будут делать мне “хорошо”, оно прижимается к пояснице. И вдруг я почувствовала всех, они коснулись меня телами. Мгновенно накрыла паника, я стала задыхаться.

— Что с ней?

— Кажется, мы напугали девочку.

— Ей нужно привыкать к нам. Она теперь что, будет каждый раз в обморок падать при нашем приближении? — Дем, он был раздражен. Не сразу, но вспомнила его имя.

Как я оказалась на руках у кого-то из мужчин, не поняла,

но после последних слов, попробовала встать на ноги.

— Со мной все в порядке, простите. Я могу стоять сама. У меня клаустрофобия тесных и темных пространств.

— Но здесь светло, — вспыхнул все тот же голос, но тут же исправился. — Понятно.

Он усмехнулся.

— Ладно. Нужно принять душ с дороги и поесть, а потом уже начинать чувственные игры.

Я незаметно выдохнула. Знать ближайшие планы приятно, хоть какая-то определенность и отдаление неизбежного.

— Кто сопровождает нашу леди в ванную? — продолжал вспыльчивый Дем.

— Я сама. То есть хочу помыться одна, — быстро сказала, пока не появились кандидаты в сопровождающие.

Нет, мне обязательно нужно немного побыть наедине с собой, после столь эпического перелета.

Расслабиться хоть ненадолго, смыть их откровенные взгляды и прикосновения.

Кто-то усмехнулся вслух. Жаль, я не вижу выражений их лиц.

— Хорошо, сейчас можешь искупаться сама, но следующее посещение ванной только со мной.

Нужно успокоиться и настроиться, чтобы с достоинством выдержать все то новое и, несомненно, “интересное”, что они для меня приготовили.

Меня несли на руках, а помещение-то просторное. Оста-

новка. И вот я уже стою. Он упирает мои руки в стену передо мной, сам стоит сзади, и его дыхание шевелит волосы на шее:

— Ты умничка, что не потеряла виброяйцо. Не пугайся, я сейчас его выну.

Гай, а это был его голос с характерной хрипотцой, потянул за веревочку, торчащую из меня, при этом другая ладонь мягко массировала грудь, а потом опустилась и принялась совершать круговые движения вокруг клитора.

Я чувствовала все. Его прикосновения, разжигающие кровь и движение яйца к выходу. Влажный звук, и игрушка выскользнула из меня. Фух! Облегчение и разочарование, так как мужчина перестал ласкать меня.

Щелчок замка, и меня поворачивают, направляют.

— У тебя есть полчаса, крошка. Потом у нас обед. Не опаздывай, — голос был тихим и спокойным, он поцеловал меня в плечо и аккуратно хлопнул по попе. — Кстати, одежду не одевай, она тебе здесь вообще не пригодится.

Я услышала лишь тихий щелчок, закрывшейся за спиной двери и сдернула надоевшую повязку. Снова пришлось некоторое время привыкать к освещению. Оно здесь было очень яркое, естественно. Тропическое солнце светило через большое окно, прикрытое тонкими, прозрачными шторами с бирюзовым рисунком, в тон основному цвету ванной комнаты.

Поскольку у меня есть гарантия, что сюда никто не ворвется, пока я без повязки, то я неспешно подошла к краси-

вой ванной в форме огромной раковины, размером человек на пять. Мылась с удовольствием, наслаждаясь красками и светом, а еще нежными запахами шампуня и мыла.

Выйдя из самолета, мы сели в машину и несколько часов ехали. Ко мне никто не приставал и даже не лапал. Хотя я очень переживала, сидя между двух мужчин. Разговоры они вели деловые и, к моему облегчению, про меня словно совсем забыли.

Дальше, около часа летели на вертолете, а по приземлению в нос ударил запах соленого моря, раскаленного солнцем воздуха. Показалось даже, что вижу чудесный пляж с белым песком и лазурной водой, но лишь на секунду. Шли минут пятнадцать, прежде чем оказались здесь, в этом доме. Если я правильно поняла, поблизости людей нет, а жаль. Не то, чтобы я хотела подать сигнал SOS, нет, просто было бы спокойнее.

И чем ближе момент икс, тем тревожнее мне становилось, и выбираться из воды совсем не хотелось. Дорога утомила, тревоги измотали. Пусть я храбрилась, а все равно было страшно. Интересно, почему они себе еще трех девушек не выкупили. Я бы даже поделилась гонораром на всех, он большой.

Тщательно вымывшись и вытершись, замоталась в сухое полотенце, постояла перед большим зеркалом. Выйти обнаженной духу не хватит, а он сказал одежду не одевать, я и не стала. Повязку просто держала в руках, теперь это была

узкая полоска черного бархата.

Вдох-выдох, нужно принять ситуацию, вроде адекватные, хоть и озабоченные. Необходимо просто настроиться на них.

Глава 7. Приручение

В дверь постучали.

— Крошка, время вышло, ты готова? Я могу войти.

— Да, — я просто закрыла глаза, шагнув в сторону двери, и протянула руку с повязкой вперед.

— Ты кто? Рей? Хочу научиться различать вас по голосам.

— Да, я Рей. Стол уже накрыли, — он взял у меня из рук ткань, но завязывать глаза не спешил. — Не открывай глазки, сейчас другую маску, посимпатичнее, найду.

Его рука потянула меня за собой, и вот меня оставили в пустоте без опоры, мгновенно возник дискомфорт. Странно это, не иметь возможность ориентироваться в пространстве. Я снова вспомнила про свой дар, и ругала себя, что не развивала его в свое время. Понять, что меня окружает, не могла, так как сердце вновь колотилось потревоженной птицей.

Кто-то подошел сзади, это я ощутила до прикосновения, но все равно вздрогнула и чуть не открыла глаза. Мужские ладони обхватили плечи и мягко направили вперед.

Нос защекотал вкусный запах еды. Я и мяукнуть не успела, как меня подхватили и усадили себе на колени, боком.

Подоспел и Рей с повязкой, вовремя надо сказать, за эти несколько минут, я раз десять чуть не открыла глаза. Каким чудом останавливала себя в последний момент, не знаю.

— Спасибо, — тихо сказала Рею, и в образовавшейся во-

просительной тишине продолжила. — Я чуть не нарушила основной пункт договора.

На глаза легла ткань, сзади она была на широкой резинке, которую спрятали под влажные еще волосы.

— Главное, что не нарушила, — произнес приятный баритон Перса. Именно на нем я собственно сидела, и это он выбрал меня у Гиена. — Сейчас есть будем. Дам тебе попробовать всего понемногу, скажешь, что нравится больше.

Первая порция была лапшой с каким-то острым соусом, я тщательно прожевала.

— Вкусно. Здесь повар есть?

— Нет.

В рот попало что-то невнятное с кисло-остро-сладким соусом, не люблю такое.

— Мы на острове и, кроме нас, здесь никого нет. Раз в сутки, на время твоей прогулки и уединения, мы будем улетать с острова, за провизией, в том числе. Здесь нет обычной связи, так что заодно и поработать сможем. Для тебя что-нибудь интересное скачаем и все необходимое купим.

— Это мне не нравится, — прокомментировала странный соус.

Теперь я жевала потрясающий салат.

— Ням-ням, — неприлично почавкала, а вспомнив с кем я, добавила, — то есть вкусно.

Дальше были булочки и печенье и запивала их разными соками, а мужчины спрашивали, из каких фруктов напитков.

Стоило не отгадать два раза подряд, как с груди сползло полотенце. Конечно, это был Рей:

— С тебя штраф, крошка.

Остальные ели тихо и признаков нахождения в комнате не выдавали. Но успокоившись, я стала чувствовать их. Дем и Гай сидели напротив нас в креслах, а я, Перс и Рей на одном диване. Я их не видела, но они присутствовали неясными тенями, лишь на долю секунды становились четче и снова расплывались. Дар меня не слушался. А потом я снова разволновалась, когда Рей вынул кончик полотенца, и оно повисло на руке у Перса, которой он удерживал меня за талию.

Перс продолжил меня кормить, словно ничего не произошло.

“Я привыкну, так надо”, — утешала я себя, жуя следующую порцию, не чувствуя от волнения вкуса.

“Может, меня снова напоят чем-нибудь позабористей, чтобы я смогла расслабиться?” — вопрошала саму себя, но нет, спаивать меня никто не спешил.

— Ну как, нравится? — задал вопрос Перс, когда я уже прожевала, пришлось брать себя в руки, перестать жалеть себя, я взрослая девочка.

Прислушалась к послевкусию.

— Да, вкусно. — пришла я к выводу.

— Запей.

Это было нечто непознаваемое и слишком сладкое, даже горло запершило.

— Угадай, что это? — весело спросил Рей, какой-то он неунывающий, треснуть бы его чем-нибудь.

— Это что-то приторное, мне незнакомое. — осторожно ответила я.

— Отлично, с тебя снова штраф. Ну что, парни, снимем с нашей девочки полотенце? — он уже его стягивал, даже недоговорив, хотя скорее просто раскрыл полы, Перс ему помог, а потом снова перехватил рукой талию.

— Я наелась, — спохватилась я, пока в рот еще чего-нибудь не положили.

Я действительно почувствовала приятную тяжесть в желудке и меня ощутимо клонило в сон. Веки буквально слипались, а вскоре и голову на весу стало держать тяжело.

— Поспи, — баюкали, уплывающий в сон мозг, голоса.

— Может, не стоило ей столько успокоительного давать. Почему она так резко отключилась? — тревожный голос издалека прорывался ко мне.

— Думаю, что все будет хорошо. Она и так мало спала, а силы ей пригодятся.

— Как думаешь, это масло поможет? Оно так странно пахнет.

— Старая предсказательница, конечно, та еще ведьма, но плохого она нам еще ни разу не посоветовала. Если она сказала, обязательно натереть этим девушку перед сексом с на-

ми, значит, натрем. Не зря мы проходили курс общей медицины, в который и массаж входил, тоже, кстати, по ее указке. — Перс усмехнулся.

Было это пару лет назад, и мужчинам тогда все это казалось лишним.

— Нам этим маслом ее раз в сутки мазать. Ведунья сказала, что оно от солнечных ожогов убережет нашу крошку. На острове такое пекло, а она гулять собралась.

— Насколько я помню, ведьма много хорошего про это масло говорила, но, главное, оно усилит ее либидо и добавит удовольствия.

— Может быть, стоило другую девчонку поискать? Эта слишком правильная, боится всего, зажимается и трясется, хоть и старается не шарахаться от нас. Я не знаю, с какой стороны к ней подступить, чтобы не напугать, — это говорил Дем и одновременно разминающими движениями втирал в мою стопу что-то скользкое. Догадываюсь, что это.

Я уже выплыла из сна и начала осознанно подслушивать, контролируя глубокое дыхание, расслабленно лежа на спине. По мере подслушивания поняла, что лежу вновь полностью обнаженная. Ноги мои находятся в разных руках, и их осторожно разминают, втирая масло, на одной ступне массируют пальчики, а в руках другого — пятку. Левая рука находится в захвате третьего “пса”, а четвертый примостился между ног и осторожно гладит живот, бедра и даже совсем интимные места чем-то пушистым, мягким, похожим на мех. Го-

лоса были тихие, а прикосновения бережные.

— Привыкнет. У нас все равно времени нет. Приручать нужно быстро, но аккуратно. Она не шарахается, не ревет, не истерит, а это уже хорошо. Пусть немного дикая, прошлое у девчонки не сахар. Зато красивая и нежная, характер спокойный. Так что меня все устраивает. Так и залюбил бы ее.

— Рей, тебе все бабы нравятся, когда ты у них между ног лежишь, — поддел друга Гай.

— Так, я лежу только у тех между ног, кто мне нравится. Что, по конечностям ее разбираем? Я хочу отсюда начать, хочу чувствовать, как под моими руками будут набухать в возбуждении ее губки.

— Ягодицы мне оставьте, — это был Дем. Неужели кусать будет?

— О, кто-то проснулся уже и только притворяется?

Быстро меня раскусили. Интересно, чем я себя выдала?

— Рей, займись свободной рукой, сладенькое на десерт оставим.

Меховая штучка совершила почетный круг вокруг пупка и замерла в центре живота. На промежность подули самым бесстыдным образом, а у меня дыхание перехватило от ощущений. Матрас прогнулся, и вскоре мужчина взял мою руку в свои теплые большие ладони. Мужчины стали интенсивнее втирать в кожу масло, круговыми, разминающими движениями продвигаясь выше. Делали она все основательно, никуда не торопясь. У меня сложилось впечатление, что они все

делают на совесть, даже балагур и болтун Рей.

— Это специальное средство поможет тебе выдержать всех нас, — похоже, разговаривают со мной. — Как спалось?

Вроде уже столько всего неприятного и разного пережила за последние пару суток, но мне все равно было дико неловко лежать распластанной и раскрытой перед мужчинами. Словно в мужской гарем попала или монастырь. Они еще и массаж мне делают. Очень странно и смешно. Особенно если представить их в рясах и совершенно серьезных. Сидят вокруг обнаженной девушки и старательно не смотрят, куда нельзя.

— Спасибо, хорошо спалось, — неверным со сна голосом, очень вежливо ответила и не удержалась от улыбки. — А как поняли, что я проснулась.

— Ты покраснела, — весело ответил Перс, он дошел до подмышки и зачем-то втирал масло туда. — Улыбка тебе очень идет.

Он перебрался к лицу, профессионально нашел все массажные линии, был нежен и аккуратен. Мужчины, те, что снизу были уже в опасной близости от самого нежного местечка и иногда вскользь касались. Не сомневаюсь, что специально.

Я, как и просили, старалась расслабиться и получить удовольствие. В конце концов, ничего плохого мне не делают. А даже очень и очень приятно.

Напомнила себе в который раз, что взрослая давно, и про

контракт тоже упомянула, так, для верности. Ведь неправильно все это: между людьми для стадии интимных отношений должна родиться любовь, а не деньги. Если не любовь, то хоть какие-то чувства должны быть. Теплоту, уважение, доверие. Мне казалось, что жениха своего, который лишил меня девственности, я любила, но он оставил после близости с собой омерзение, страх, стыд и боль.

Эти мужчины вызывают другие чувства. Смущение, нежность, желание, страсть. А уж таких неприятных ощущений, как омерзение и желание содрать с себя кожу в душе, у меня точно нет. Они будто выводят меня из зоны комфорта, желая раскрепостить меня, расширить мои горизонты, раскрыть во мне скрытую женщину: красивую, уверенную и желанную.

Кто-то добрался до груди и нежно ее массировал, тело стало, словно нехотя отзываться редкими приятными искорками, а там, где масло уже нанесли, нагревалась кожа. Кто-то кружил ладонями по животу. Пуховка куда-то делась. А потом меня перевернули и снова начали с конечностей.

Перс перешел на спину, а, наверное, Дем, занялся ягодичками, положив под живот подушку, чтобы попа выше была. Он их долго разминал, тер и разводил в стороны, это смущало больше всего, так как еще мужчина касался ануса и несколько раз кружил вокруг него, проводил ребром ладони вверх-вниз.

— Тебе нравится, Силайн?

После долгой, расслабленной тишины вопрос застал врас-

плох, но я тут же ответила:

— Да, мне приятно, — я уже практически не смущалась, а прислушавшись к ощущениям, добавила, — кожа нагревается и покалывает в некоторых местах.

— Так и должно быть, вскоре тебе станет жарко.

— Рей, займись своим десертом, а потом я снова попку разомну. Зажимается она сильно. Возбуди ее максимально, чтобы наша леди совсем расслабилась. Ты же постарайся, Лайна? — так же мое имя сокращали родные.

— Да, — хотела ответить уверенно, а получилось жалко.

Мне казалось, я расслабилась, но, видимо, недостаточно.

— У меня ладонь так и чешется хорошенько отшлепать тебя. Не доводи меня, девочка. Поворачивайся на спину и раздвинь пошире ноги. Рей тебе интимный массаж организует, он у нас спец.

Я выполнила все в точности. После отповеди напряжение возросло. Кто-то взял мою руку и стал разжимать пальцы. Я мигом расслабила руки, не заметила, как сжала их в кулаки.

— Ну точно, отшлепаю.

— Извините, просто кожу сильнее жечь начинает. И вы обещали меня не бить.

— Отлично, значит, Рей в нужное время в нужном месте оказался, — голос говорившего был довольным.

Рей начал с лобка, круговыми движениями, спускался ниже. Его пальцы были скользкими и горячими. Он нежно гладил мои интимные складочки, кружил вокруг клитора и вхо-

да. От этого массажа я сдалась на милость телу. Он так приятно скользил по интимному местечку, что я действительно растеклась по кровати и дышала уже гораздо тяжелей.

— Ну вот, смотрите, ей нравится. Губки набухли, стали сочные и потекла наша киса.

Двумя пальцами он сжал клитор, и стон сорвался с губ, в это время сначала один палец проник в меня, потом еще один. Я хорошо чувствовала крышесносное растяжение. Это что-то невероятное.

— Ммм, какие звуки, — он специально смущает меня, озвучивая такое. — Мне очень нравится.

Становилось не просто жарко, хотелось прикосновений, поцелуев и, возможно, большего. Лежать спокойно не было мочи, и бедра сами стремились навстречу пальцам, и тому удовольствию, что они дарили.

— Ден, может, позже попку обрабатываешь?

— Нет, сейчас. Встань на четвереньки.

Рей уже испарился, а мне очень не хватало его горячих и волнующих прикосновений. Внизу все горело и ныло. Выполнив приказ, замерла в ожидании. Мне надавили на поясницу.

— Прогнись, ноги шире. Хорошая девочка. Главное, не напрягайся, и тебе даже приятно будет, а если мы везунчики, то кончить сможешь, анально.

И его руки легли на ягодицы. Краем сознания я ощутила, что меня гладят вдоль позвоночника и массируют затылок.

Но все остальное внимание было сконцентрировано на том, как пальцы скользят по анусу. Гладят ягодицы и замирают на них, а большие пальцы, упираясь в дырочку, ходят кругами, иногда надавливая. Это продолжалось долго. Настолько долго, что я настолько расслабилась, что не сразу осознала проникновение в попу.

А этот любитель уже что-то довольно мурлычет. Его палец спокойно ходит туда-сюда, вызывая чувственный зуд. Зуд желания насадиться на эти пальцы сильнее, для увеличения остроты ощущений. Я еле удерживалась на месте. Прикосновение к клитору было как удар током. А потом меня подняли и усадили верхом, сразу насаживая на возбужденный член Дема, к счастью, не попкой. Это было ошеломительно приятно. Я вскрикнула и замерла в эйфории. Но меня стали подгонять, крепко удерживая за бедра.

— Двигайся крошка, ты такая горячая и сочная внутри, что кончу я быстро. Двигайся так, как тебе понравится. Я помогу, — голос звучал напряженно.

Мужчина приподнимал меня, и сам двигал бедрами навстречу. Вверх-вниз, и я послушно скакала на нем. Каждый раз проникая глубоко в лоно, Дем будто задевал заветную кнопочку под названием "сладкое удовольствие". Потом он показал мне, что можно просто скользить вперед-назад. Так стало еще приятнее. Меня пронзало сладкой молнией, и я сама задавала темп, поскуливая от невыносимого наслаждения. Сильные руки притянули меня вниз для поцелуев жар-

ких, страстных, глубоких. Я же продолжая скользить, чувствуя, как нарастает нечто огромное и бушующее внутри меня, ускоряла темп и сама жадно лгнула к губам любовника.

— Какая ты сладкая, Лайна.

Про остальных я и не вспоминала до тех пор, пока Дем, приподнимая бедра навстречу моим движениям, не застал по-особенному. Его семя жаркими толчками разливалось внутри. Внутри меня что-то взорвалось, я чувствовала пульсацию в теле. По животу, ногам и всему телу растекались волны невероятной истомы.

Я еще не отошла от полета, когда меня быстро переместили, снова поставив на четвереньки. Сзади оказался, как позже выяснилось, Гай. Ему тоже хватило минут пятнадцати, но за это время мужчина успел поменять с десятков поз, и делал это так ловко, что ни разу не выскользнул из меня.

Остальные были более консервативны в позах. Рей предпочел поставить меня на пол. Руками я упиралась в кровать, а Перс уложил на спину, а сам устроился сверху. Долго целовал меня, а потом не разрывая поцелуя, заставил мои ноги сомкнуться у него на поясице. Только после этого он медленно вошел. Его движения были неспешными, глубокими и очень приятными. Я тихо млела, постанывая от удовольствия и сил на встречные движения у меня уже не было. А так хотелось ловить эти ощущения на пике, в глубине. Он целовал мне шею, и я целовала в ответ туда, куда могла дотянуться, то в ухо, то в волосы.

Зато руками я с удовольствием осязала крепкие мужские плечи, руки, спину и ягодицы. Вся кожа горела, любые прикосновения вызывали новую волну желания. Я сама себе казалась оголенным нервом и отдавалась этим мужчинам без остатка. Вот и Перс закончил тяжело дыша. А мне хотелось еще. В тот момент, когда он пульсировал внутри, я чувствовала, что сама на грани, но по какой-то причине не смогла перешагнуть ее, будто чего-то не хватало. Разочарованный стон сам собой сорвался с моих губ.

— Не расстраивайся, милая. Нас много, и мы не оставим девушку в беде, — весело балагурил довольный голос Рея.

И правда, не оставили. Подхватили на руки и понесли в душ. В душевой кабинке были трое я, Рей и, вроде бы, Гай. Рей, стоя за спиной, намыливал меня спустя рукава. Этот балагур больше ласкал там внизу, а Гай доказывал, что целуется лучше всех из четверки, его руки бродили по телу изучающе. Вскоре я снова почувствовала ту грань и задышала чаще. И тогда Рей вошел в меня, оставив клитор чутким пальцам Гая. Это было слишком. Сильные, резкие толчки вызывали искры восторга, а касания пальцев к набухшим и крайне чувствительным складочкам очень быстро скинули в пропасть. От удовольствия я привстала на носочки, опираясь на Гая, а Рей все продолжал толчки, вызывая все новые и новые искры удовольствия.

Ноги мои ослабли, и я на ком-то повисла. Благо все “Псы” сильные и висеть на них можно долго. Меня высушили по-

лотенцем и унесли в кровать, простыни оказались чистыми и аж скрипели подо мной.

— Пить будешь, крошка? — голос Перса, и к губам прикоснулось прохладное стекло бокала, а в нем был сок с освежающей и бодрящей кислинкой.

— Ты умница, справилась, — он погладил меня по голове, как маленькую. — Мы боялись затягивать процесс, а в итоге тебе оказалось мало. Предстоит приноровиться и изучать друг друга.

— Перекусим? — это бодрый голос Рея.

Губ коснулось что-то влажное, и я открыла рот. Ягода. Клубника ароматная и сладкая.

— В следующий раз, — это уже Дем, — я опробую твой очаровательный зад, куколка.

Вот же любитель! Далась ему моя попа. Пусть сегодняшние ласки были довольно приятны, но все же это противостоит естественности.

— Не морщи свой очаровательный носик, сначала мы его хорошо подготовим, благо время есть. Я не хочу сделать тебе больно. Но ты — малышка умная, если не захочешь себе навредить, то и сопротивляться не станешь.

Глава 8. Неприличные эксперименты

21.03.3003.

Следующий день начался с нежных поцелуев. Кажется, я начинаю привыкать к своему гарему. Улыбнулась в ответ своим мыслям. Прислушалась к ощущениям. Чувствовала себя удивительно хорошо. Выспалась, в теле блаженная легкость, однако это было до той поры, пока я не пошевелилась. Мышцы вроде и не болели, но не очень-то слушались, что не удивительно: такой нагрузки у меня никогда не было. Замерла и постаралась прислушаться к дару. Так, двое в соседней комнате вроде бы готовят завтрак, их выдали запахи и звуки. Двое со мной, целуют. И это Рей и Гай. Лиц почти не вижу, то есть вижу иногда, но смутно и не могу сосредоточить внимание. Они будто плывут и не хотят быть четкими и понятными.

— Просыпайся, соня! — мурлыкал мне на ушко Рей, поглаживая спину от плеч до нижней границы ягодиц, так как лежала я на животе.

Гай тоже не испытывал ровным счетом никакого стеснения, оглаживая обнаженные полупопия, а еще проходил ладонью между ножек, касаясь нежного и жаркого местечка.

— Рей, у тебя важное дело есть, прямо сейчас, — выгонял

того с кровати Гай.

— Ладно, ладно, ухожу, наслаждайтесь, но завтра уйдешь ты.

— Что это было? — поинтересовалась я, когда поняла, что парень все-таки ушел.

— Мы решили, чтобы не пугать тебя, по утрам будем у тебя по одному. Кинули жребий.

Больше он не говорил, был нежен и напорист, долго целовал и ласкал меня прежде, чем перейти к основному действию. А мне к тому времени уже не терпелось, хоть я и старалась скрывать свои желания. Новые ощущения удивляли и радовали меня. Значит, я нормальная женщина, способная возбуждаться и получать удовольствие в постели. А не только быть “фригидным бревном”, как говаривал жених.

Мой жених ничего подобного не делал, не был таким предупредительным и нежным. Сейчас я горела в руках Гая, без их волшебного масла. Мне понравилось, очень. Настолько все понравилось, что позже, в душе, я напевала, а потом с удовольствием разглядывала себя в зеркале. Видела улыбку на своем лице. Да, настроение мне подняли профессионально. Осталось выйти к завтраку, где с меня скинут полотенце, без него мне все еще неудобно. Только сердечко выбивает дробь уже не от страха, а от волнительного предвкушения. Что еще они придумают для меня? Я менялась и чувствовала это.

Стоило посвежевшей мне выйти из ванной в новой повяз-

ке на глазах и неизменном полотенце, как меня за руку подвели к дивану, коленки уперлись в мягкое сиденье.

Кто-то поймал вторую руку и потянул на себя.

— Сядь-ка ко мне на колени, — я устроилась боком, как же трудно ориентироваться в пространстве, когда ничего не видишь и даже не знаешь, как и что расположено. — Вот держи.

Мне в руки дали продолговатый предмет длиной и шириной с мой большой палец, будто бархатный на ощупь. Он имел небольшое утолщение, с одной стороны, и заканчивался плоской округлостью, может, подставкой, с другой стороны. Пока я пыталась понять, что за странный предмет у меня в руках, мне пояснили:

— Это анальная втулка. Сегодня она будет радовать твою попку, — руки дрогнули, и штуковина выпала у меня из рук. — Нет-нет, это совсем нестрашно. Больно не будет, обещаю, — Дем стал целовать мне шею и искушающе шептать. — Будет сладко, будет откровенно неловко, когда я раскрою твою попку и аккуратно, нежно вставляю в нее вибратор. Тебе ведь уже стыдно? Вижу, как светятся ушки. Мы любим анальные игры, так что привыкай. Ну, не трясись ты так, — последние слова прозвучали приказом.

Меня действительно стало колотить. Раньше никогда не интересовалась такими забавами, но где-то слышала, что в попу больно и вот результат. Интересно, если Дему то же самое сказать, он сильно обрадуется? Представить такое мой

мозг отказался, и я решила довериться. И вообще, где там во мне раскованная женщина. Нда, пока она, где-то очень глубоко.

— Что нужно делать? — набралась я смелости.

— Умничка. Мне нужно, чтобы ты, сладкая Силь, легла ко мне на колени, — сильные руки помогали устроиться. — Вот так, я держу. Нет, животом вниз, на моих коленях должна оказаться твоя задница. Тебя ждет нечто интересное. Помни, главное настрой, а еще расслабь мышцы, дыши глубоко. Мы тебе поможем.

Это их завуалированное “расслабься и получай удовольствие” уже оскомину набило, рrr. И почему мне захотелось его стукнуть?

И ведь, действительно, помогли — полотенца лишили, очередного. Клептоманы.

Когда легла, как сказали, попой кверху, кто-то заботливо подложил мне под голову маленькую подушечку, только все равно, поза казалась неудобной. Короче, “каком кверху”. И где я такое слышала? Не помню. От этих глупых мыслей захотелось глупо хихикать, но я сдержалась и старалась следовать инструкциям, подобно послушной обезьянке. Ужасаюсь сама себе.

— Мы заметили, что массаж тебя хорошо расслабляет. Поэтому Рей и Гай будут на подхвате, — я поняла, что молчаливый Гай сидел прямо на полу, рядом с диваном и гладил мне спину, шею, размеренными движениями.

Рей сел на диван и уложил ступни себе на ноги, колени мои при этом упирались в диван.

— Ты уже различаешь нас по голосам? — спросил Дем.

— Да, различаю, почти всегда.

— Это радует. Сейчас смажем гелем твою дырочку, он прохладный. А теперь не сжимайся, дыши спокойно.

Он неспешно выводил круги несколько минут. Я морально готовилась к вторжению инородного тела. Почувствовав попытку проникновения невольно напряглась, почти сразу постаралась расслабиться. Чьи-то пальцы стали касаться клитора и влажных складочек, отвлекая этим, и вскоре вибратор занял, а точнее, заткнул меня с той стороны. Некстати подумалось о естественных надобностях организма. Я вздохнула. Руки мужчин продолжали меня поглаживать.

— Вот и отлично, теперь встань на ноги и скажи, что чувствуешь.

Это штучка сильно мешала и отвлекала, и я то и дело замирала, прислушиваясь к ощущениям, но в итоге все же выпрямилась.

— Ощущаю дискомфорт.

— Но тебе интересно?

— Немного, — ответила осторожно, боюсь я их экспериментов.

— Отлично, теперь можно и позавтракать.

Меня вновь усадили на колени, да так, что я остро ощутила инородный предмет. Через некоторое время, к своему

удивлению, поняла, что меня это возбуждает. Сильно. Бедрами ощутила выступившую влагу и сжала ноги плотней.

Кормили меня с рук. Похоже, парни считают, что сама я не смогу или, что более вероятно, им нравилось играть в меня, словно в куклу. На завтрак были блинчики, сок и фрукты. Когда я, наевшись, пила нечто прохладное с лимонной кислотой и мятной свежестью, неожиданно заработал вибратор, который так и находился у меня в известном месте. От шока я окатила Перса, сидевшего передо мной, прыснув жидкостью, которую только что набрала в рот.

— Вот это эффект! — восхищенно протянул Рей.

Я испугалась наказания, замерла. Хотя уже знала, эти не станут свою злость срывать на мне. Рефлексы. Как их вытравить?

— Пойду в душ, — как-то обречено у Перса получилось.

— Тебе так понравился вибратор в заднице? Тогда я тоже хочу как-нибудь пристроить в тебя игрушку, Силь! — хохмил Рей, попутно вытирая то безобразие вокруг, которое я устроила.

Я снова пользовалась своими тайными умениями. Мутная тень двигалась у пола. Шуршание и шорохи вторили видениям. Гай продолжал расслабленно доедать завтрак.

— Крошка, раздвинь ножки. Я помыл пол вместо тебя, мне нужна компенсация. Хочу видеть тебя раскрытой. Ты там такая соблазнительная, — его голос сочился удовольствием. — Заодно посмотрим, как держишь в своей очаро-

вательной попке пробку.

Они постоянно выводили меня из зоны комфорта. Я боялась пошевелиться, казалось, выроню затычку. Ну и самой раздвинуть бедра перед мужчиной, который сидит напротив коленей, было чем-то запредельным.

— Вообще малышка, — продолжил, будто размышляя, он, — один твой вид невинной незащитности, вызывает дикое желание. Мы как весенние коты бродим вокруг тебя, изнывая от ломоты в яйцах, но не хотим пугать излишним напором. Потому как ты, итак, вечно напугана. Постарайся поскорее принять нас и доверься. Свои обещания мы сдержим. Мы делаем все, чтобы тебе было с нами комфортнее. Не так много времени в нашем распоряжении, так что давай не будем омрачать это время неприятными чувствами.

Да, мама часто говорила, что надо уметь радоваться жизни здесь и сейчас, а я давно забыла, как это делается. Буквально со дня их смерти, когда мне резко пришлось повзрослеть и стать серьезной, рассудительной. Тогда на меня навалились все проблемы разом. Все равно в то непростое время я с иронией взидала на жизнь. Рей прав, веду себя словно забитый котенок.

Я медленно раздвинула колени, позволяя ему смотреть на себя, испытывая, прилив крови к низу живота, боль острого желания. Больше всего чувствовался лишний предмет во мне, который уже несколько минут не подавал признаков жизни и чуть не выскользнул наружу. Пришлось с силой

сжать мышцы.

— Ммм, какая красота! — восхищенно протянул Рей.

Я почувствовала, как его пальцы проникают внутрь, вызывая сладкий спазм мышц. Невольно выпрямилась и выгнулась на руках у Гая, хватаясь за его плечи.

— Замечательно.

Что именно понравилось Рею, не знаю. Он сделал несколько движений, вызывая дурманяще-приятные волны и неожиданно выскользнул. А мне захотелось немедленно вернуть его пальцы на место, но я подавила неуместный порыв.

— Ты уже наелась? — вдруг спросил мой мучитель.

— Да, — мой голос был глух, будто простужен.

— Отлично, — бодро откликнулся Рей, — тогда вместо полотенца давай накинem на тебя вот эту прозрачную штучку и пойдем на разведку, а после мы покинем тебя на три часа. Ты разомнешь свои ножки и глазки. Только обещай не делать глупостей, пока нас не будет.

Он помог одеть нечто невесомое на тонких бретелях, едва-едва прикрывающее зад. Мужчина повел меня вдоль стены, касаясь моей рукой под его ладонью гладкой поверхностью.

Глава 9. Свобода и нападение

Мы ходили по дому, заходя во все комнаты, мужчина комментировал все, что видел, хохмил, старался разбавить мое напряжение. А я была на грани, не могла дожидаться, когда они уже уедут и оставят меня одну. Может, от этого воздух густел, с трудом попадал в легкие, и я почти не вникала в слова Рея. Я предвкушала.

— Это снова наша гостиная, — мы вернулись в комнату, где обычно ели, и мои пальцы почувствовали препятствие. — Здесь выход на улицу, двери всегда открыты, — мужчина переместился ко мне за спину и обнял за талию руками, тесно прижав к себе. — Почувствуй себя дома, осмотрись, на кухне есть чем перекусить. В общем, не скучай. И еще. Мы оставим тебе мнем, у него есть связь со спутником, и мы можем позвонить тебе. Так что сегодня не уходи далеко от дома. Можешь купаться, загорать, только давай без этих тряпочек, хочу, чтобы на тебе был равномерный загар. В ванной есть средства до и после загара, воспользуйся, нам не нужно, чтобы ты обгорела. Повязку, как и договорились, ты снимешь, но не вынимай затычку из попы, я сделаю это сам.

Блин, а если я в туалет захочу?

— Эээ, а как же физиологические надобности? — волнуясь спросила.

— Если уж приспичит, придется вынуть, но потом верни

на место. Желательно, чтобы ты была очень возбуждена к нашему приезду.

Он замолчал. Просто стоял за спиной и тихо обнимал меня. Это было чем-то за гранью контракта. Веяло нежностью, теплом и тоской. Несколько минут и иллюзия схлынула, его руки ожили, мягко обхватили грудь, погладили и спустились к лобку. Одна рука осталась на талии, будто удерживая меня, другая скользнула по нижним губкам, раздвигая и снова погружаясь в меня.

— У тебя потрясающе красивая грудь! Готов вечность смотреть на тебя обнаженную. Как же я тебя хочу, — его хриплый шепот буквально обжег ухо, возбуждая, и я откинула голову ему на плечо, подставляя свое тело сильным рукам. — Ты сладкая, малышка, но нам пора, — он вынул пальцы из горячего лона, и я услышала его шумный вдох. — А как пахнешь!

— Повязку снимешь через пару минут, после нашего ухода.

Нет, я столько не выдержу, уже мечтаю сорвать с глаз эту, надоевшую до зубовного скрежета, тряпку.

Он подвел меня к дивану и усадил. Нежно поцеловал в губы быстрым, сочным поцелуем и отошел. Остальные трое тоже молча чмокнули меня кто куда и, наконец-то, ушли. Я смотрела им вслед, не глазами, конечно. Когда они скрылись за домом, откинулась на спинку дивана и расслабилась. Неужели я осталась одна и скоро смогу видеть. Решила быть

сильной и послушной. У меня контракт, и я его не нарушу, как бы меня не подмывало воспротивиться.

Внезапный звук разрезал размеренный шум прибоя и редкие крики далеких птиц. Мне прислали сообщение, что все, я в одиночестве. Ура! Зачем было так громко включать звук? Сняла маску, но осталась сидеть на диване, не веря тому, что я одна. Прошло всего-то два дня, а ощущение, что целая жизнь. Глаза как раз привыкли к освещению, пора.

Я поднялась и пошла туда, где манил, призывно сверкая на солнце, океан. Оставила мне лежать на столике, а сама выпорхнула из дома нетерпеливой птичкой.

Итак, я на тропическом острове в полном одиночестве. Кругом солнце, белоснежный песок и лазурная гладь воды. Столько света и цвета. Вон там, вдалеке виднеются скалы, а до них тропический лес, пальмы, какие-то разлапистые деревья и цветущие кусты. Слышны громкие крики и более тихие чирикания на все голоса разных птиц, цветное оперение которых то тут, то там виднелось в листве. Здесь хорошо, я улыбалась во весь рот, да что там рот, я душой улыбалась и впитывала в себя эту райскую красоту, старательно складывая в ячейки памяти, чтобы в горькие минуты одиночества вспомнить и улыбнуться.

Шагнула вперед и пальцами ног зарылась в горячий песок, улыбнулась шире и зажмурилась от удовольствия. Так, мальчикам нужен ровный загар, и я, скинув прозрачную тряпочку, бросила ее на пороге дома, а сама пошла к воде.

Я много плавала, наслаждалась приятной водой, горячим солнцем и теплым ветерком, валяясь под пальмой, чтобы не обгореть сразу. Пришлось вернуться в дом и по-быстренькому намазаться защитным кремом. Долго бродила по пляжу, то в одну, то в другую сторону. Для себя поняла, что остров большой, но людей на нем. Никого, кроме себя, я не чувствовала.

Сейчас под жарким солнышком я забыла даже про проблемы, связанные с виноградниками и братом. Нужно узнать как у него дела, не попал ли парень в очередные неприятности.

К сожалению, время мое вышло скорее, чем хотелось бы. Без мужчин смогла внутренне расслабиться, а я и не понимала, как была напряжена все время с тех пор, как решила пойти к Гиену. И теперь ощутила, как внутренности подбираются, словно ошестинившись против агрессивного мира. Понимаю, что плохого мне не сделают. Понимаю, что сама подписалась. Понимаю, что мне даже это нравится, какой-то ненормальной части меня. Но готовности радоваться и полностью отдаться четверем извращенным мужчинам, которым для удовольствия нужна одна на всех, не получается.

Будильник, который извещал, что время единения самой с собой вышло, я услышала издалека. Его звук слишком пронзительный и дисгармоничный для этого места. Прикрыла глаза и возвала к дару. Да, мужчины уже здесь и идут к дому. Побежала в душ, смыть соль и песок с тела, и пора за-

вязывать глаза. Про прозрачную штучку на тонких бретелях я забыла, снова завернувшись в полотенце, благо их много, большая стопка на полке в ванной, семнадцать насчитала.

Вышла из душа, когда они вошли в дом.

— Привет, крошка Си, — радостно завопил Рей не хуже будильника.

Он схватил меня в охапку и закружил.

— Я так соскучился по тебе! А ты скучала?

Я только смущенно улыбнулась. Врать не хотелось. Мне банально не хватило времени для полноценного восстановления душевных сил. На самом деле, я бы с удовольствием осталась на острове в полном одиночестве еще на несколько недель.

Он повел меня к кровати. Времени осмотреть дом мне не хватило, но, где кровать я знала.

— У нас для тебя сюрприз, но сначала натрем тебя маслом.

Они намазали и натерли и даже хорошенько промяли. Кто-то из мужчин, целенаправленно и довольно болезненно разминал мои мышцы. Рем бодро посмеивался над моим криканием и стоном, не забывая пошло комментировать и интенсивно втирать согревающее и возбуждающее средство. Вскоре оно снова стало жечь, воспалять кожу, особенно нежные места, к ним приливалась кровь, и я ощущала чувственную пульсацию тела.

Перс прекратил скручивать мое тело и сосредоточился

на местечке пониже венериного холмика. Хорошо продавленное тело, недавно стонавшее от боли, теперь ощущало легкость и приятную негу, кожу покалывало, хотелось прикосновений. Я уже сама себя гладила по животу и по груди с твердыми горошинками сосков. Выгибалась и тихонько постанывала от удовольствия. Чувствовала, что сейчас взорвусь и действительно фейерверк дивных ощущений пронзил тело, крик вырвался из горла сам.

Перс подхватил меня под бедра и жадно вошел на всю длину разом, со стоном вышел и вновь погрузился в меня горячим и твердым членом. Я обхватила его талию ногами, руками вцепилась в плечи, стремясь навстречу жестким, жадным ударам. Приподнимая таз, сжимая внутренние мышцы, я ощущала острое, почти невыносимое удовольствие. Мое тело скользкое не только от масла, но и от выступившего пота. Мужчина слишком быстро излился в меня, мне хотелось еще движений, испепеляющего жара, мужских рук. Я чувствовала, что на грани, еще немного и тоже стану довольной и умиротворенной. Но Перс, обнял меня и поднялся с кровати, не размыкая объятий и не выходя из меня. Он крепко прижал к себе, оплетя руками будто дорогое ему существо. Воздух вышел из легких, ребра затрещали. Мне на миг показалось, что он не хочет расставаться со мной, и я сама поддалась иллюзии. Захотелось чаще испытывать такие эмоции и крепкие объятия. Ближе прижалась в ответ, носом вдыхая его аромат, растворяясь в ощущениях. Наверное, мир замер

вокруг нас, потому как никто не тревожил и позволил на минутку погрузиться в тепло родных объятий. А потом мужчина медленно разомкнул руки, и его член мягко выскользнул из меня. Наша влага потекла по ногам, когда я соскользнула с него и встала на нетвердые ноги.

— Ну вы даете! — о чем восклицал Рем, не знаю. — А теперь сюрприз, но сначала я освобожу тебя от вибратора. Вижу, вы не сроднились.

Ох, а я и забыла про эту штуку. Этот слишком разговорчивый за всех четверых то ли братьев, то ли друзей совершенно прав. Игрушка ощущается скорее занозой в, пардон, заднице, нежели средством, стимулирующим сексуальное желание.

Он схватил мою ладонь и уложил на живот так, что коленями я упиралась в пол, а всем остальным телом лежала на кровати. Мужчина развел мои ягодицы и ловко вынул уже надоевшую мне штуковину. Я не удержалась от облегченного выдоха. Хотя это и возбуждает поначалу, но все же посторонняя штука в попе вызывает дискомфорт. Мужчины лишь хмыкнули. Гай и Дем пока оставались в стороне и наблюдали молча, но теперь подошли ближе.

Рей ввел во влагалище два пальца, непроизвольно охнула от прострелившего удовольствия. Прикосновения к клитору и движение пальцев во мне быстро довели до той грани, к которой я уже подходила. Но внезапно Рей остановился.

“Ааа, за что?” — так и хотелось крикнуть. Дема я узна-

ла по запаху, дар мой “отключился”, но сейчас со мной точно был он. Руки именно этого мужчины, его ласки, его движения и поцелуи. Они все делают немного по-разному, каждый по-своему. Плавность и неспешность сменяется бешеным, диким ритмом, и я улетаю. Как же хорошо. Дем продолжает активно двигаться, покусывая шею и ключицы, пока сам не кончил. Мы долго отдыхали, приводя дыхание в порядок, наслаждаясь объятиями.

А после меня поставили на ноги и что-то накинули на шею. Цепочка? Тонкий металлический шелест, такой звук не спутаешь. Да, металл холодил шею декольте, дальше ажурные цепочки ложились на грудь, живот и ниже. Словно платые узкие ручейки оплетали бедра, ударяя тяжелыми камушками чувствительные соски. Несколько вертикальных полос и множество горизонтальных, которые провисают дугами. Внизу пара ручейков скользнула между ног. Они окутали тело. Металлические змейки касались рук и ног.

Мужчины поправляли и выравнивали цепочки на груди, животе, спине и меж бедер. Что-то вроде боди с юбкой и короткими рукавами, только состоящего из драгоценных цепей с камнями в разных местах. Жаль, не могу на себя взглянуть, мне было очень любопытно, что это они такое придумали. И как я выгляжу в этом довольно тяжелом наряде.

— Потрясающее видение. Леди Силайн, Вы созданы для того, что украшать собой изящные ювелирные изделия. Перс, отличная идея. Очень эротично, особенно то, что це-

почки касаются нежной плоти.

Я стояла шокированная и растерянная. Замерев, боялась пошевелиться, и в этот момент проснулся мой дар. Я уловила движение теней за пределами привычных расстояний. Все четверо были рядом со мной. Однако за пределами дома были еще несколько фигур. Я осмотрелась и поняла, что их много, и все они слаженно друг за другом движутся к дому.

Выбор между моей тайной и, вероятно, большой опасностью для нас всех, был очевиден.

— А, ммм, — я растерялась и не знала, как назвать всех четырех мужчин разом, уж точно не псами. Мальчики? Милые? Фи. Ничего приемлемого не придумывалось. — Вы уверены, что мы на острове одни?

— Да, абсолютно, — ответил спокойный Перс.

У меня внутри начало подниматься легкое беспокойство. Странными мне казались эти тени. Придется выдать себя и свой дар.

— Там по лесу в нашу сторону крадется не меньше десятка теней.

Да, тени именно крались, поэтому и внушали опасения. Мутные фигуры около меня замерли и переглянулись.

— Ты уверена? Можешь подробнее описать?

Интересно, почему они не удивляются моим словам? Почему верят?

— Не могу. Только тени, и они странные. Довольно близко от нас. Вон там и там, идут оттуда, — рукой показывала

направление.

Про мои особые способности эти четверо знать не могли. Да и вообще в народе такие умения, как у меня считаются больше выдумкой, чем правдой. Чем-то вроде сказок и легенд. Знали про подобный дар только те представители древнего рода, где он передавался от матери к дочери. Ну и правящая династия, полагаю, знает больше простых обывателей. Что женщины с даром видения еще могут родиться. Что это не сказки и не выдумки, только не спешат открыто говорить про свои умения, скрывают. Это я только тени видеть могу, а вот мои бабушки умели очень-очень многое. Возможно, если бы я его развивала, то тоже что-то большее могла, но меня мой собственный дар не интересовал. Раньше я ничего подобного не видела и не чувствовала. До этого, неординарного периода моей жизни.

Мои покупатели не так просты, как хотели показаться, они поверили мне сразу. И даже начали действовать без лишних слов. Я в очередной раз приятно удивилась.

Пока размышляла, мне на плечи накинули еще теплую рубашку с чужого плеча, приказав застегивать пуговицы.

— Как, интересно, они узнали, где нас искать? Кто мог рассказать? Знали не больше десятка человек, — Перс размышлял вслух. — Дем, составишь список.

Гай куда-то убежал, но вскоре вернулся и, подойдя к Рею, что-то ему вручил.

— Держи, идешь с ней в бухту. Если там будет опасно, то

прячьтесь у подземного озера. Его найти сложнее. Мы сами вас найдем. Ни во что не ввязываетесь, носы не показывайте. Все, быстрее. Чужаки совсем близко.

На все приготовления у моих защитников ушло три, четыре минуты. Они двигались так, словно отработывали подобную ситуацию уже не раз. Чужие приближались, их уже должно быть видно из окон. Особенно если знать, куда смотреть.

И вот я, в одной рубашке (драгоценное боди одеждой не воспринимала), босая, но с повязкой на глазах, бегу по лесу. Меня крепко держит за руку Рей и усердно тянет вперед. Стараюсь бежать быстрее, так как, кажется, за нами погоня. Тьма, испуг, когда узнала, что чужаки вооружены, невнятные фантомы — я уже ничего не понимала. Боялась запнуться за какую-нибудь корягу или корень и упасть, замедлив наше продвижение. Или что еще хуже, подвергнуть смертельной опасности Рея из-за собственной неуклюжести. Земля под ногами мягкая, но попадаются больно впивающиеся в стопы веточки. Сердце ускоряет свой бег, когда понимаю, что действительно, как минимум двое бегут за нами.

Из-за волнения дар перестает видеть за меня, и я абсолютно теряюсь в пространстве. Рей петляет, часто поворачивает, то в одну, то в другую сторону, крепко удерживая мою ладонь в своей. Только ее я ощущаю остро. Сейчас она моя опора. Остальной мир — зыбкое темное марево. Сколько мы уже бежим, не знаю, но долго. Я совсем выдохлась, сильно

торможу движение Рея.

В какой-то момент слышу характерный щелчок затвора, вздрагиваю. Поворачиваю голову и на мгновение вижу ясную, словно своими глазами в солнечный день картину: в нескольких метрах от нас двое огромных военных в одежде всех оттенков зеленого. Их лица разукрашены в цвета листы и земли, с рюкзаками на спинах и оружием в руках, и целются они в нас.

Рей выдает нечто заковыристое, но веское. Я спотыкаюсь о собственные ноги и падаю, неуклюже валю Рея.

Выстрелы раздаются хлопками, Рей вскакивает и тянет меня в сторону, пригибая мою спину, шипит и торопит. Сердце выпрыгивает из груди от страха. Мат выдает и его нервозность.

Глава 10. Грот

— Стой здесь, подними руки в жесте капитуляции. Ты под защитой, помни, — через некоторое время шепчет он.

Рей бесшумно исчез куда-то за пределы моего радара, который регулярно сбоил. Где я нахожусь, представляла весьма смутно. Местоположение преследователей также ускользало. Потому я просто подняла руки вверх. Ладони подрагивали, перспектива получить пулю в лоб меня несколько нервировала. А через полминутки почувствовала две тени. Сейчас я видела только размытые образы. Они были близко, всего пара десятков шагов. Такое ощущение, что вооруженные чужаки вышли из-за стены. Я переступила с ноги на ногу. Точно, стою на камне, а ведь раньше была мягкая устланная листвой и прочей лесной прелестью земля. Наверное, мы у скал. Мозгу нужно было зацепиться хоть за что-то.

Кожей ощущая направленное на меня дуло, возможно не одно, я не могла даже шевельнуться. Стоять тоже стало тяжело, меня штормило, даже уши заложило от ужаса. Хотелось сложиться пополам, а лучше лечь прямо на острые камни и не вставать ближайшие пару дней. Внезапная нахлынувшая паника неизбежности, заставила участиться пульс и дыхание. Вместе с тем неожиданно остро ощутила движение цепочек на моем теле.

Мой якорь. Я нашла способ, как отвлечься и успокоиться.

В моменты сильного страха голова всегда отказывалась сообщать, и я научилась отвлекаться, занимать голову чем-то, что поможет эмоциям улететь, пусть на время. Потому я старательно прислушивалась, как трутся звенья цепочек о горячую, влажную от пота кожу и на несколько мгновений вечности отвлекают от происходящего. Вскоре страх исчез, скорее благодаря пикантности ощущений, чем чему-либо еще.

Во мне просыпалась некоторая доля чувственности. План, как отвлечь наемников, пришел мгновенно. Мужчины должны среагировать на красивую полуголую девушку. Мой дар внезапно тоже среагировал на проявление необычных эмоций, тело само чуть прогнулось, рот слегка приоткрылся, язык нервно облизывал губы. Глубокие вдохи и напряженные горошины сосков от неприятного озноба касаются ткани рубашки. Передо мной встали оба военных. Они ведут себя так, словно привыкли видеть полуголых девиц с завязанными глазами. Жаль, не вижу эмоций на лицах.

— Сними эту тряпку, — звучит грубовато, но голос подрагивает, а мужик наставляет на меня оружие. — И рубаху, — добавляет, нервно сглотнув. — Что там у нее?

Холодный металл отодвигает ткань, дергает. Несколько пуговиц отлетают. Я слышу только этот звук, как тихонько звякает пластик о каменную поверхность. Все остальные звуки: шорох леса, крики птиц, шум недалекого моря, ушли куда-то на периферию.

— Вот извращенцы. Но красиво.

Медленно переступаю с ноги на ногу. Знаю, снимать повязку нельзя. Руки так и держу над головой.

— А если я опущу руки, вы стрелять не будете? — спрашиваю тихо и хриловато, тяну время, стараясь не обращать внимания на оружие, скользящее по коже груди.

— Медленно, без резких движений, — снова этот грубый голос, без ноток сочувствия, но с пошлой усмешкой.

Мне бы очень хотелось, чтобы они были добрее ко мне. Ведь девушка перед ними, безоружная и беспомощная. По крайней мере, я изо всех сил демонстрировала наивность и незащитность. Хоть какие-то инстинкты у них должны быть? На самом деле, я действительно никак не смогла бы оказать сопротивления тренированным мужикам. А двоим сразу, еще и вооруженным и подавно. Только отвлечь их внимание на себя, дав тем самым Рею возможность действовать.

Где же Рей? Неужели решил бросить меня этим наглым мужланом на растерзание, а самому уйти? Такая мысль проскочила непрошено в момент, когда чужак больно сжал пальцами в перчатках сосок. Но я не позволила неправильной идее зацепиться в голове. Однако маленькая заноза от нее осталась, хоть я и шептала про себя, что мужчина не бросит, вернется и спасет меня. Наивная, да? Точно, наивная и глупая. За несколько дней успела понять, что четверо "Псов" из той категории людей, что считают делом чести выполнить обещания. Казалось, благородство у них в крови. Противоречия рвали меня недолго.

Мужик полез лапаты меня дальше, и мне снова стало страшно до тошноты. Острый камушек под ногой, я ойкаю. От волнения или сама не знаю почему, ноги подкашиваются, и я падаю сломанной куклой. Запоздало слышу глухие удары, невнятный шорох, звуки борьбы, хлопок выстрела и свист пули совсем рядом. Потом все стихло и только бешеный стук моего бедного сердечка и негромкие ругательства Рея подсказали, что все относительно нормально. Он не бросил меня, а двое военных обезврежены.

— Ты не ранена? — наверное, увидел мои шевеления.

— Нет, а ты?

— Да что со мной будет? — бодро ответил. — Подожди, я сейчас.

Я медленно села. Цела, только синяки и ссадины останутся. Постаралась возвать к дару. Ура, получилось. Рей быстро и ловко связывал напавших на нас наемников. Обшарил карманы, что-то покидал в свой рюкзак. Что-то оставил здесь на камнях валяться. Мужиков уволок куда-то за скалу.

— Там между скал есть удобная, неглубокая яма, естественного происхождения, и пока нет прилива она пустует. Пусть там переждут. А нам пора. Пока еще кто не подоспел.

Мы обогнули длинную скалу, что заняло довольно много времени. Я уже чувствовала голод. Усталость от долгой ходьбы заставляла все чаще спотыкаться. А я босиком. Ноги, особенно подошвы горели, пальцы наверняка все в царапинах, так как я регулярно “пинала” попадающиеся на пути

острые камни. Здесь идти оказалось сложнее.

— Уже близко, потерпи чуток, — все чаще звучала эта фраза. — Так, сейчас нужно немного пройти по воде. Хорошо, что отлив, будет легче.

Минут пятнадцать шли по воде, очень медленно уходили вглубь, рубашка стала намокать. Шли вдоль все той же скалы, только теперь со стороны моря. Когда воды было уже по грудь, мужчина остановился.

— Ты плавать умеешь? — прозвучал своевременный вопрос.

— Умею, — я улыбнулась.

В детстве с родителями часто ездили на море, и там мы с братом не вылезали из воды.

— А нырять? — я кивнула. — Замечательно. Сейчас я сниму маску, и ты зажмуришься. Нырнем — откроешь глаза, — пока говорил, снял с меня полоску ткани. — Помни, мое лицо тебе видеть нельзя. Когда вынырнем, снова закрывай глаза, и я верну повязку. Набери побольше воздуха в легкие, плыть придется далеко. Плыви четко за мной. Присматривать за тобой не смогу, а сама ты вход не найдешь. Когда заплывем в туннель, а там очень темно, отсчитывай секунды до двадцати пяти. Там в одном месте есть пустота, нужно будет вдохнуть воздух и снова плыть. Я буду рядом, помогу. Старайся не отклоняться от курса, внутри туннеля есть острые выступы, можно пораниться. Плыть около четырех минут, под водой чуть больше двух. Справишься?

— Да, — я сглотнула.

— Тогда плывем и по моему знаку ныряем, — я услышала плеск и поспешила глубоко вдохнуть.

Воду я люблю. Плавать, нырять и дурачиться. Собирать самые красивые ракушки и камушки на глубине я научилась в детстве, так что внутри меня пузырилось радостное предвкушение наравне с легкой нервозностью. Плыть по подземному туннелю, круто!

Плыть было действительно круто, ощущения нереальные, особенно под скалой. Казалось, стены сейчас сойдутся и сдавят со всей силы. Я хоть и понимала, что это мои личные страхи, но жути это не убавило. Жуть смешивалась с восторгом, я даже считать секунды забыла, но врезавшись в своего спутника, поняла, двадцать пять секунд истекло. Нужно глубже вздохнуть и проплыть остальную, бóльшую часть пути под сводами камня, без возможности передышки.

Мне едва хватило воздуха, все же я не тренировала долгое задерживание дыхания. И сейчас, вынырнув, тяжело, со сбоями дышала. Легкие жгло, сердце загнанно, но радостно трепыхалось. Рей обнимал меня, что-то бормотал и... вытаскивал мое безвольное тело на берег. Я привычно зажмурилась. Непривычно устала, хотя скорее выдохлась. Мужчина заботился обо мне, и я ему предоставила всю свободу действий.

— Ну, что живая? — весело спросил он, через несколько минут, когда я отдышалась и шевелила пальчиками на ногах,

прислушиваясь к шорохам, шуму воды и эху пещеры.

— Угу, — все, что могла сообщить.

Мы лежали на мягком одеяле. Мужчина позади меня, я на боку, положив голову на сгиб локтя, рассматривала красивую пещеру и большое озеро с восхитительно бирюзовой водой. А еще здесь цвели кусты с ярко-красными, бледно-розовыми, белоснежными с лиловой каймой лепестками цветков. Все они были на противоположном от нас берегу и источали нежный, приятный аромат. Воздух был воистину вкусен, хотелось вдыхать его снова и снова.

— Здесь очень красиво! — вздохнула я, блаженно жмурясь.

Рей перебирал мои волосы и это было настолько приятно, что порой по всему телу пробегали теплые искорки и несколько обязательно оседали в центре моей женственности.

Мы уже перекусили. Мужчина сразу, как вытащил меня на берег, развел бурную деятельность. Надел маску, новую, совершенно сухую, снял с меня мокрую рубашку, оставил драгоценное одеяние, лишь расправил его. А у меня побежали мурашки от восторга, это металлические ручейки, так прохладно обхватывали мое тело, и движение каждой цепочки казалось нежной лаской. Кожа стала чувствительной очень, мне хотелось двигаться, чтобы продлить ощущение нежного скольжения цепочек по коже. Танцевать. Но я засмушалась и замерла в руках мужчины. Очень хотелось быть раскрепо-

щенной и свободной в выражении своих чувств, но преодолеть себя пока не получалось.

Рей восторженно вздохнул и поцеловал плечо, он гладил и ласкал меня, даря нежность. Я растворялась в нем, не сопротивляясь даже в мыслях, а принимала и наслаждалась. Он касался груди поверх украшений, спустился по животу к промежности и аккуратно, распределив влагу по складочкам, расположил цепочки так, что они касались нежных мест, но не постоянно, а при движении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.